

Нодир НОРМАТОВ

ПОСЛЕДНЕЕ ЗАВЕЩАНИЕ РУЗЫ ЧАРЫЕВА

Роман-эссе

Нодир Норматов известен и как искусствовед, и как писатель. Вышедшие из-под его пера роман «Баригал», «Рассказы Кухитанга», сборник повестей «Голубые орехи», книги «Птицы над оврагом», «Дом, где живет радуга» уже нашли признание читателей.

Роман-эссе был собран из личных наблюдений Нодира Норматова, бесед автора с Рузы Чарыевым, дневниковых записей художника. Простым и доступным языком книга повествует о детстве и юности Рузы Чарыева, значительных событиях его жизни и даже пытается проникнуть в «святая святых» творческий мир художника и показать процесс создания полотен.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

*Искусство – шаг из видимого и
понятого в скрытое и непостижимое.*

*Воспоминание – одна из форм встречи.
Джебран Халиль Джебран*

КРАСОЧНЫЕ ДВЕРИ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

Кишлак Вандоб расположился у самого подножия гор, лето сюда запаздывает. Вернее, весна не торопится убирать приданое, выставленное всем напоказ. Удивительное это зрелище, когда и весна еще не отцвела, а уже в свои права входит лето.

Наступила та пора, когда созрел урюк и на деревьях стали появляться первые желтые листья. Однако рядом, в двух шагах от

нашего дома – на склонах гор все еще буйствовали цветы и травы, их высота на некошенных лугах достигала колен, а над нами кружили белые, оранжевые, желтые бабочки. Если пойти в сторону водопада, многоцветие красок ослепит вас. И вспомнится детство. Какое это счастье – спрятаться в непроходимых зарослях и о чем-то мечтать! От аромата цветов займется дыхание. Слух будет ласкать пение птиц.

Я был один в комнате и наслаждался зрелищем таких вот пейзажей, сделанных накануне.

Рузы ака с самого утра рисовал на фоне далеких гор мальчишку, раскладывавшего на крыше глинобитного сарая урюк для сушки.

Я открыл дверь и вышел на улицу. И сразу почувствовал тонкий аромат полевых цветов. Их оставила возле дома девчужка лет десяти, живущая рядом с детским оздоровительным лагерем. Имени ее мы не знаем. Когда заговариваем с ней, она молчит. Лишь сверкает глазами-бусинами и убегает. Цветы даже не привяли, они были все еще свежи и нежны. Для этой девочки Рузы ака нарисовал картину, где изобразил ее на фоне рощицы. С тех пор она и привязалась к Рузы ака. Для художника даже самый обыкновенный цветок – «замечательный», вот и носит девочка нам охапками эти цветы.

Назавтра, под вечер, Рузы ака исчез. Разыскивая его, я обошел окрестности лагеря. Оказывается, у дочери сторожа потерялись бараны. Рузы ака отправился с ребятами на их поиски. В ту ночь он вернулся промокшим до ниточки. «Знаешь, я видел камни, которые сияют даже в темноте. С таким явлением мне раньше не приходилось сталкиваться», – говорил он вне себя от счастья. Проснувшись утром, я не обнаружил Рузы ака. Он вернулся ближе к обеду с новым этюдом. «Если бы бараны не потерялись, я бы никогда не увидел тех удивительных мест», – сказал он.

Накануне осени мы покинули эти места. Рощи на склонах гор понемногу обретали желтоватую окраску, речки становились полноводнее день ото дня. На улицах кишлака, давшего нам временный приют, начинался листопад, многое в природе стало незаметно меняться. Костер, разожженный детьми, дочку сторожа, приносившую каждое утро цветы, картину туманной ночи, когда они искали пропавших баранов позднее я находил в его произведениях, все эти картины получили творческое преломление под пронизательным взглядом художника, стали яснее и ярче.

Со времени нашего первого совместного с Рузы Чарыевым

путешествия прошло уже без малого пятнадцать лет. Где мы только не побывали за эти годы, о чем только не говорили и не спорили далеко за полночь. Однажды мы с художником услышали интервью Чарыева по узбекскому радио.

«Ташкентская школьница Катя Ермукова мечтает стать художницей. Что нужно для этого сделать? – спрашивает она. Ответить ей мы попросили заместителя председателя Союза художников Узбекистана, заслуженного деятеля искусств республики Рузы Чарыева. Судьба этого узбекского художника типична для всех одаренных молодых людей нашей страны. Перед ними – широкий простор для любого творчества, для них открыты все пути к овладению избранным делом.

Послушайте, что говорит Рузы Чарыев: «Дружочек Катенька! Тебе очень хочется стать художницей? Это чудесно, что такая мечта овладела тобою с детства. Но запомни: для того, чтобы стремление твое осуществилось, нужно упорно добиваться поставленной цели. Нужно хорошо учиться и неустанно работать в избранной области. С самого детства.

Расскажу о себе. Я из далекого кишлака Пашхурд, – есть такой в Сурхандарье. Мне было несколько месяцев, когда мы с братом лишились родителей. Мы не знали материнской ласки. Воспитывался я в Шерабадском детском доме, потом в Термезском. С самого раннего возраста очень любил рисовать, – никогда не расставался с цветными карандашами.

При Термезском краеведческом музее организовали кружок юных археологов. С увлечением я начал в нем заниматься. Мы совершали интересные походы. Нам поручали зарисовывать природу, и в моем альбоме появились и голубые Бабатагские горы, и волны капризной Амударьи, и зыбь песков под раскаленным солнцем. В музее работала художница Наталия Николаевна Попова. Она обратила внимание на мои зарисовки, стала учить меня рисовать. Часто рассказывала о творчестве великих мастеров кисти. Советовала мне посвятить свою жизнь искусству. Вскоре я закончил школу и по ее совету поехал в Ташкент – держать экзамены в художественное училище имени Бенькова. Представь себе, меня приняли! Но не прошло и года, как меня призвали в армию. Яркие пейзажи родного Узбекистана сменили живописные карпатские горы – там я обучался воинскому делу. Однако каждую свободную минутку использовал для зарисовок. И когда через

четыре года вернулся в училище, привез с собой множество этюдов. Меня сразу перевели на второй курс. Закончил училище и меня направили в далекий Ленинград – продолжать учебу в Академии художеств. Неповторим этот дивный город с его дворцами, картинными галереями, скульптурами Летнего сада с его «в гранит одетой Невой». Казалось, сама атмосфера Петровского града насыщена высоким искусством, духом великого Пушкина. Там я учился живописи,знакомился с творчеством многих мировых гениев.

Наконец закончил и академию, получил диплом с отличием, вернулся в Ташкент. Жизнь моя богата и плодотворна. Возможность отдаваться живописи – великая радость и счастье. У меня своя художественная мастерская. Участвую в выставках. Мои произведения удосужились показать на республиканской выставке «Наш современник». Была организована и персональная выставка – это мой творческий отчет перед родным городом.

Путешествия по странам мира раздвигают горизонты творчества. С новыми впечатлениями возникают и новые темы. Я много видел во время поездок, познакомился с искусством народов Африки, любовался в подлинниках шедеврами итальянских гениев, созерцал в Греции классические образцы эллинской архитектуры и ваяния. Был в Швеции, Румынии, на Мальте...

И все же история моей жизни, пожалуй, ничем не примечательна для условий нашей страны. Ведь каждый из вас, ребята, может избрать себе любимое дело. И если простой кишлачный мальчишка смог свободно стать художником, значит, любой может добиться такого же успеха.

Поэтому, милая Катюша, не отступай от задуманного. Рисуй все свободное время и когда-нибудь покажешь свои альбомы художникам. Желаю тебе удачи, дружок!».

После такого интервью Рузы ака признался мне:

– На встречах многие, чаще всего дети, спрашивают меня: как вы стали художником? Я отвечаю им, что стал художником благодаря тому, что постоянно учился и достиг каких-то успехов в живописи, из-за неустанного труда, что рисовал без усталости. Говорю, что сама жизнь воспитала меня как художника... И все же нутром чувствую, что сказанного мною мало. Если бы мы вдвоем затеяли книгу, то уж она стала бы ответом на все их вопросы...

Эти слова послужили для меня отправной точкой для работы – я

стал записывать высказывания художника об искусстве, о жизни. Вначале я хотел написать книгу от имени Рузы ака. Позже увидел, что в канву повествования вплетается то, что я знал, слышал о художнике, мои личные наблюдения. Так, книга стала результатом двух точек зрения – автора и художника. Самая главная ее цель: появление третьей точки зрения – читателя – на искусство, новый взгляд на жизнь, новые мысли.

ВОСПОМИНАНИЯ ДЕТСТВА

Маму я не помню. Мне едва исполнилось восемь месяцев, когда она заболела тифом и умерла. А вслед за ней вскоре умер и отец. Об этом мне рассказывала тетя, дожившая до глубокой старости и умершая в девяностолетнем возрасте. Я родился в беспокойное, голодное время. «Когда начали создаваться колхозы, стало твориться что-то неладное. Множество людей, будь то ремесленники средней руки, грамотные люди, знавшие арабский, или баи и купцы – по чьему-то оговору, по навету, без суда и следствия оказывались в тюрьме, – рассказывала тетя. – Их осиротевшие дети пухли с голоду и умирали». Это были времена, когда люди жили в постоянном страхе, не верили друг другу. Вот из-за таких ошибок, из-за того, что торжествовала несправедливость, распались многие семьи, братья и сестры, родственники разлучались и разъезжались по свету. Волею судеб, как говорила моя тетя, на мою долю выпало немало испытаний.

ИЗ ДНЕВНИКА ХУДОЖНИКА

В тот памятный вечер он наполнил ковш водой и уселся на большой валун, смотрел на все и старался запомнить. Напротив него, прямо посреди хауза росла джида. Ствол ее наполовину скрывался в зеленоватой воде. Ветер срывал ее белесые прошлогодние листья. На широкой площадке ребятишки играли в чилляк – игру, напоминавшую «чижик». Потом дети пошли навстречу стаду, лениво бредущему по степной дороге. Девчонки встретились на узкой улочке, посеCRETничали и разбежались. Рузы же думал о том, как встретит его завтра далекий город. С малых лет он любил горизонт, воображал, что в нем есть что-то такое, что может наполнить его сердце радостью. Но он любил не только горизонт, но и свой кишлак. В особенности,

самозабвенно любовался громадами гор, окружающими кишлак. Неугасимая краса гор, их вершины, зовущие ввысь, очаровывали его. Глядя на них, различные чувства переполняли его. Последние красноватые лучи закатного солнца трепетали на верхушках тополей, растущих в горных ложбинах. Под тополями пробудились родники. Кеклики, лягушки, дождавшиеся весеннего вечера, оглашали округу таинственными звуками.

Да, он все это любил, только что-то манило его в неведомые дали.

Назавтра Рузы увезут за горы, откуда по утрам встает солнце. В памяти осталось только это.

... Когда осеннее солнце осветило сады, Рузы пришел к своему наставнику Гавриилу Васильевичу Парфенову. По профессии он археолог, а в свободное время вел кружок юных краеведов. Однажды он рассказал ребятам о красной пещере. «Я слышал об этой пещере в Зараутсае, Кухитанге, Бойсуне», – сказал Рузы. «Мы обязательно обследуем ее, начинайте готовиться в поход», – сказал археолог. Рузы пришел к нему за советом: где можно найти какой-нибудь альбом, цветные карандаши? В здешних краях не так-то просто было что-либо найти. До того, как оказаться в Термезе, Рузы побывал в детских домах Бойсуна, Шерабада, Кумкурмана, ему очень хотелось нарисовать портреты друзей, с которыми он так неожиданно расстался.

Рузы постеснялся попросить у археолога альбом, потому что какая-то девушка, установив этюдник, писала его портрет.

– Эта девушка – художница, – представил ее археолог. – Зовут Елена. Она будет вести у вас уроки рисования.

Елена спросила, сколько ему лет.

– Мне исполнилось двенадцать, – ответил Рузы.

Елена, подумав, сказала, что начинать заниматься живописью в этом возрасте уже поздно. Рузы возразил ей, что он все равно будет художником.

Девушка улыбнулась и сказала:

– Для тебя не поздно. Только нужно будет много трудиться.

Рузы стал смотреть этюды, видимо, совсем свежие, от них еще исходил запах краски. Девушка поставила пластинку, и во дворе зазвучала незнакомая мелодия.

Рузы засмотрелся на ее стройную фигурку и на душе у него потеплело. Захотелось нарисовать ее портрет. Но он застеснялся. Попросил позволения уйти.

– Ладно, иди. Проводи заодно и Елену, – сказал Парфенов.

Когда они вышли на улицу, их опьянила свежесть воздуха, еще влажного от недавно прошедшего дождя. Налетавший временами ветер будоражил душу. Мокрый асфальт дороги блестел и отливал желтоватым светом – отражением неоновых фонарей.

Елена подарила ему красный карандаш. Улицы города, освещенные множеством огней, в этот час, когда Рузы провожал Елену, были безлюдны и тихи. Все его воображение было захвачено красным карандашом, которым он уже рисовал алуу зарю.

* * *

В детдоме всегда найдется, чем занять себя: уборка территории, помощь на кухне, заготовка дров... В свободное время ребята играли в разные игры. Однажды Рузы было велено пробежать по тонкой доске над большим хаузом, который был у них во дворе. «Почему это я не пробегу, конечно, пробегу», – подбадривал он себя. И побежал. Но когда добежал до середины моста, споткнулся обо что-то и полетел в воду. Плавать он не умел и тут же стал тонуть.

Кто-то вытащил его из хауза. Посмотрел на своего спасителя и глазам не поверил. Это был первый задира и хулиган. Рузы раньше недолюбливал его. Но с этого дня он стал ему как родной.

Того мальчишку все называли «Мишка», хотя он был узбеком. Увидев рисунки Рузы, он сказал ему:

– Смотри, у тебя такие умелые руки, что ты подбираешь здесь детдомовские куски, устройся на работу. Вот я таскаю на вокзале вещи и беру за это деньги. Если захочешь, я и тебе найду что-нибудь подходящее.

Рузы согласился. Конечно, лучше жить самостоятельно. Никто тебя не ругает. Заработаешь деньги, можешь потратить их как захочешь.

С этими мыслями он сбежал с детдома. Они сняли с Мишкой одну комнату и стали жить. Рузы стал помощником сапожника. Через какое-то время он понял, что совершил ошибку. Тех денег, которые ему давал мастер, едва хватало на пропитание.

Однажды он так проголодался, что ему стало дурно. В кармане ни гроша, но он слонялся по базару. Три раза заходил в хлебный магазин. Под конец не удержался, и незаметно стянул у продавщицы буханку. Но даже отойдя от магазина на приличное расстояние, не смог отважиться

отломить хоть кусочек. Он опять вернулся в магазин.

– Тетя, я украл у вас хлеб. Но я его не съел. Вот возьмите, – сказал он продавщице.

И тихонько положил буханку на прилавок.

От этих слов женщина прослезилась. Видимо, она догадалась, что он сирота, тут же отрезала и протянула ему кусок хлеба.

– Будь проклята это война, – с горечью говорила она.

После этого Рузы стал помогать ей, она давала ему за работу кусок хлеба.

И все же такая жизнь была не для Рузы. «Нужно возвращаться в детдом. Но вот примут ли они меня?»

К счастью, его не прогнали. Возвратившись, он услышал новость. Детский дом переезжал из Термеза в поселок Сурхан.

УСТРЕМЛЕННОСТЬ К МЕЧТЕ

В 1966 году я встретил своего друга Рауфа Вахабова, с которым вместе рос в детском доме. Он в то время делал хорошие скульптуры. Но художником не стал. «Не было возможности получить образование», – попытался он оправдаться. Я четыре часа трудился в тот день над его портретом и мысленно спорил с ним: «Как это не было возможности... у меня тоже никого из близких не было, однако я добился и получил образование художника». Вслух я этих мыслей не высказал.

Из дневника художника.

Рузы понравился чистый воздух Сурхандарьи, ее необъятные горизонты, запах ее земли. Хотя их жилые комнаты не были такими светлыми и уютными, как в городе, важно то, что чувствовалась большая свобода. Можно было совершать дальние и ближние походы, рисовать все, что твоей душе угодно.

Продержав Рузы в детдоме два года, решили направить его в Ф307. Рузы должен был выучиться какой-нибудь рабочей профессии на одном из Ташкентских заводов.

Оставался год до окончания войны, на заводах и фабриках катастрофически не хватало рабочих рук.

Рузы был готов трудиться. Но монотонная работа на заводе была ему не по душе. А когда работа не нравится, человек быстро устает.

Он сбежал из общежития. Он знал, что стоит ему появиться на вокзале, как его тут же схватят и вернут на прежнее место. Поэтому он отправился пешком по железной дороге, надеясь вскочить на подножку какого-нибудь товарного состава, едущего в Сурхандарью.

Идя вдоль железной дороги, он пытался запомнить все необычное, систематизировал свои наблюдения.

Когда он все же забрался в товарный вагон, его довольно быстро изловили. На дорогах тогда было очень много беспризорников, похожих на него. Рузы с группой таких ребят отправили в детский дом в Ленинабад. Небо над городом было красивое. Особую прелесть придавали ему видневшиеся вдаль горы в пелене облаков. Но через два дня ему стало тоскливо. Он скучал по родным местам, по своим друзьям. На третий день сбежал из детского дома. И опять пустился в дорогу. Кормился тем, что ему давали местные жители: кислым молоком, куском лепешки. Чтобы не заблудиться, держался железной дороги. На какой-то маленькой станции опять вскочил на подножку товарного поезда.

Когда он доехал до Термеза, на вокзале увидел русского художника, который продавал женские портреты. Какое-то время Рузы наблюдал за ним. Возвращающиеся с фронта солдаты с удовольствием покупали эти портреты, другой человек доставлял продавцу все новые и новые работы. «Я бы тоже мог рисовать такие портреты и продавать их», – подумал Рузы.

В тот же день он познакомился с этими художниками. Они дали Рузы большущий картон, поставили перед ним фотографию какой-то женщины и велели срисовать ее. Рузы сделал копию, его работа понравилась им.

Уже через полгода он так набил руку, что делал очень хорошие копии. В это время он снял квартиру у сотрудницы музея, художницы Натальи Михайловны Поповой. Он теперь зарабатывал деньги, рисуя картины в мастерских. Наталья Попова посоветовала ему ехать в Ташкент, поступать в художественное училище.

И он поехал в Ташкент.

– Я не боюсь экзамена по рисованию, а вот с языком у меня плохи дела, – честно признался он Саше Боцману, с которым познакомился во дворе училища.

– Ну, сдавай тогда экзамен на родном языке, – посоветовал Саша.

– Вся беда в том, что я не знаю толком ни русского, ни узбекского, –

сокрушался Рузы.

Он был прав. Все экзамены он сдал успешно, а русский завалил. Но то ли преподавательница сжалась над ним, то ли картины его понравились, она назначила пересдачу экзамена и поставила ему тройку.

Рузы приняли в училище. Каждую новую работу он показывал той мягкосердечной преподавательнице и говорил:

– Когда-нибудь я оправдаю ваше доверие.

После окончания первого курса он получил повестку в военкомат. Когда стал прощаться с однокашниками, они дали ему шутовское обещание:

– До твоего возвращения мы тоже не будем переходить на другой курс.

Для паренька, выросшего в детском доме, тяготы воинской службы не кажутся столь тяжелыми. Несмотря на то, что было много учебных занятий и занятий на плацу, Рузы выкраивал время для рисования и альбом его пополнялся изо дня в день. Слух о молодом художнике дошел и до генерала. Как-то раз он вызвал его и спросил:

– Ты сможешь снять копии вот с этих картин?

– Постараюсь, товарищ генерал, – ответил Рузы

Через несколько дней он представил генералу копию с картины Виктора Васнецова «Аленушка». Эта работа понравилась не только генералу, но его жене и детям. А когда Рузы сделал копии с таких работ, как «Грачи прилетели» Саврасова, «Корабельные сосны» Шишкина, «Золотая осень» Левитана, «Девушка, освещенная солнцем», генерал проникся к нему симпатией и создал ему все условия для работы. По причине своей занятости, генерал отправлял Рузы вместе с домашними на оперные спектакли. Жена генерала была большой поклонницей оперы.

Вначале он не воспринимал оперу, но был вынужден слушать. А потом привык. Даже мог воспроизводить по памяти отдельные арии из итальянских и русских опер.

Когда он выкраивал свободную минутку, садился за портреты своих товарищей по службе, писал и городские пейзажи.

– Нарисуй мне вид Ташкента, – попросил как-то генерал.

Рузы задумался. До сих пор ему не приходилось писать что-то по памяти. В этот момент он особенно почувствовал, как сильно стосковался по широким улицам Ташкента, по его красочным базарам,

по глинобитным домикам, крыши которых пламенеют по весне маками.

Наконец он остановил свой выбор на домике на берегу Буржара, где он снимал комнату, учась в художественном училище. Он вспомнил милую, добрую хозяйку дома, ее симпатичную дочь. Не всплыви в его памяти их образы, может, он не справился бы так блестяще со стоящей перед ним задачей. В его представлении в пейзаже канал Буржар и глинобитный дом на его берегу должны являть собой что-то цельное, наподобие единства образов матери и дочери. Наконец, он приступил к работе. Маленький дом. Таинственный канал, в водах которого отражается небо. В произведении преобладали переливы золотых и свинцовых тонов.

– Замечательно, – восхитился генерал, разглядывая уже готовую работу. – Только, мне кажется, она получилась несколько печальной.

Он этого не ощущал, когда писал. Его тоска по родному краю, вся та грусть, что была на сердце, отразились в его произведении и зазвучали, как печальная мелодия.

– Художник, не испытывающий ни чувства любви, ни чувства печали, не может быть художником, – сказала жена генерала.

Слова этой женщины воодушевили Рузы. Первый раз в жизни он подарил чужому человеку свою авторскую работу. Всем сердцем он чувствовал, как день ото дня крепнет его талант, вера в свои собственные силы, он знал, что теперь будет писать самостоятельные художественные произведения.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В КИШЛАК

В жизни каждого художника бывают такие мгновения, когда в сердце что-то заново рождается. Это – любовь к родине, к земле. С этой минуты художник должен стремиться заново постичь, открыть для себя родину, стать единомышленником своих земляков, проникнуться их сокровенными чаяниями. Художник не имеет права быть сторонним наблюдателем. Художник, у которого нет родной земли, нет своего края, не может состояться как художник. Где бы я ни был, Пашхурд всегда со мной, мысленно я постоянно нахожусь там.

Из дневника художника.

Художник вернулся в родной кишлак Пашхурд лишь через тридцать три года. Я был свидетелем этого события. Учился я тогда в шестом классе. Было лето. Я поехал за тридцать километров, в райцентр Шерабад, сейчас уже не помню, что мне там было нужно. Закончив дела, вышел на дорогу, в надежде на попутную машину или арбу. Автобусного сообщения с нашим кишлаком еще не было, горная дорога, узкая и опасная, местами зависала над пропастью, грузовики и те ездили по ней с трудом. В кишлак меня привез наш односельчанин Жума Хофиз. У него был трактор с прицепом. Кроме меня, в прицепе оказались еще двое – парень в шахрисабзской тубетейке и светловолосая русская девушка. В то время у каждой местности была своя тубетейка с характерным орнаментом или узором. По головному убору определяли, откуда родом человек. Взять, к примеру, десятки небольших кишлаков, разбросанных в горах и ущельях Кухитанга. Они так же имели свои традиционные тубетейки. Мне, подростку, не составило труда определить, что попутчик не из наших мест. А парень между тем, знай себе расхваливал русской девушке наши красоты. «Смотри, какая красивая река Шерабад». Когда примечал живописные холмы, опять восклицал: «Как красиво». Он радовался всему, что видел вокруг. Затем стал рассказывать что-то своей спутнице, но я этого уже не понял. В нашем кишлаке русский язык знали только фронтовики да ребята, служившие в армии.

Мои спутники сошли на дороге, а я, вернувшись домой, забыл о них. Но я долго помнил восторг парня. После его слов знакомые с детства горы, ущелья, речки и ручьи воспринимались по-другому. Теперь они стали таинственными и прекрасными. В кишлаке было принято говорить о горах иначе. Никто бы не сказал «красивые горы», вместо этого, обронил бы замечание: лежат под толстым слоем снега, или, наоборот, что в горах не выпало ни капли дождя или снега, такова была традиция.

Впоследствии Рузы-ака рассказал об этом путешествии.

– Заканчивая институт, я еще толком не знал, куда мне ехать, где мне жить. А вернее, выросший в детском доме, я не имел привязанности к какому-то городу или местности, и мне было безразлично, где жить. При всем том хорошо, что дают детские дома детям, они не могут заменить им отца и мать. Дети растут без корней, им неведомы семейные традиции, национальные и народные традиции и обычаи, о какой любви к родине может идти речь. Я напому вам

одну индийскую сказку на эту тему. У одной вороны было два птенца. Однажды она решила перенести их на противоположный берег реки – в тех местах было много падали. Перелетая реку с первым вороненком, мать спросила у него: «Дитя мое, как ты отблагодаришь меня за это доброе дело?» Птенец ответил ей на это: «Матушка, я буду заботиться о тебе всю жизнь, кормить самым вкусным на свете». Ворона-мать сбросила вороненка в бушующие волны реки и вернулась за вторым. Перелетая реку со вторым, она задала ему тот же вопрос. «Матушка, я не могу тебе ничего обещать, но ту любовь, которую ты проявила к своим детям, я постараюсь вернуть своим детям». Ворона мать была довольна своим птенцом. Таковы и человеческие дети. Заканчивая институт, я собирался остаться в Ленинграде. Но моя жена Марина стала настаивать: «Поедем к тебе, на родину».

И вот через тридцать три года художник поехал в родной кишлак Пашхурд. Во время этого долгого путешествия делал зарисовки в альбом, а последние десять верст до кишлака они прошли пешком. Однако встретили нас там холодно. Был у меня один дальний родственник, так он сразу накинулся на меня: «Зачем ты женился на русской? Сейчас, молодого, она тебя любит, а постареешь – бросит. Довелось мне насмотреться на таких в армии». Я обиделся на него и перебрался в соседний кишлак Зарабог. Я шел и плакал, мне было горько, что в родном кишлаке я не встретил ни доброты, ни участия.

В то время, когда Рузы писал этюды в Зарабаге, в Пашхурде его разыскивал человек, прозванный в народе Курбан-хромец. Сам родом он был тоже из Пашхурда, но в 30-е годы в числе других сельчан был выслан в Денау. Человек незаурядный, противоречивый. Был крупным торговым дельцом, всегда при деньгах, имел авторитет и влияние на людей. Однако значительную часть доходов тратил на благотворительные цели. Женил безродных парней, справлял свадьбы, помогал устроить свое хозяйство. Детей, оставшихся без родителей, старался выучить. Рузы было лет десять, когда за ним в термезский детдом приехал Курбан-хромой. Он забрал мальчика на несколько дней в кишлак и устроил там той по случаю его обрезания. Когда Рузы учился в институте, Курбан-хромой высылал ему деньги. И вот этот человек услышал о возвращении Чарыева в кишлак. Он поехал повидаться с ним. Узнав, что Рузы обидели, Курбан-хромой не на шутку рассердился. Сел в машину, отправился в Зарабаг. Привез Чарыева обратно в Пашхурд и при большом скоплении народа, заявил: «Эй,

люди, запомните, кто обидит этого парня, будет иметь дело со мной. Перед вами художник, который прославит наш край». После этого Рузы стал приезжать в кишлак на этюды. В один из приездов ему сообщили горестную весть о том, что Курбан-хромой отравился. Чарыев тяжело переживал его смерть. Именно этот человек сказал то главное, что Чарыев запомнил на всю жизнь: «Рузыбай, никогда не забывай этот край и свой родной кишлак!»

РОЖДЕНИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Недавно я был вынужден написать портрет одного человека. Меня просто уговорили. Я рисовал, преодолевая себя. Когда я закончил портрет, все говорили о необычайном сходстве портрета с этим человеком. Он был мне совершенно чужд по духу. Поэтому я запечатлел его бесстрастно, как фотограф. Если между художником и портретируемым не возникает чувства общности, то работа обречена на провал. В чем же выражается это родство душ? Художник чувствует его сразу. С первого взгляда он определяет будущего героя своего произведения. В 1974 году я написал портрет философа. В плане цветовой гаммы портрет получился впечатляющим, а по форме – не совсем. Почему так случилось? Я всегда стараюсь докопаться до причин моих неудач.

Из дневника художника.

Воздух над склонами холмов, которые окружали кишлак, был густым и ароматным из-за обильно цветущего шпорника. Особенно много его возле кладбища, что виднеется за мельницей. Кусты подходят вплотную к тропинке и кое-где даже скрывают ее. Кажется, что и горизонт окрашен в желтоватый цвет, окрашен шпорником. По этой тропе шел усталый художник.

Он жил здесь, в кишлаке, уже неделю. Жила в душе Рузы ака, выросшего вдали от родного кишлака, мечта: устроить выставку своих произведений на родине. Преодолев немало трудностей, ему, наконец, удалось воплотить свою мечту в жизнь. Выставку развернули в школьном клубе. Однако волнение и радость, переполнявшие его душу, померкли и угасли в течение получаса. Картины, которые он писал годами, люди успели осмотреть за полчаса, а может и того меньше, и разошлись. Переживая тяжелейшую депрессию, художник хотел

побыстрее уехать из кишлака. Удерживало лишь то, что он не мог отыскать могилу отца, а люди, знавшие, где он похоронен, тоже все поумирали. Поэтому он и шел по тропе – грустный и несчастный. Какие-то колючие кусты цеплялись за полы его одежды и как бы говорили: «Не уходи». Поднявшийся перед дождем ветер растрепал его волосы, пригибал до земли кусты шпорника. Однако цветам он не страшен, как не страшен им ни дождь, ни снег – они держатся до самой весны. Под палящими лучами солнца они сохнут. Но и тогда не теряют своей прелести. Художник ценил достоинства этого цветка. Но сейчас, удрученный, он даже на шпорник не обратил внимания, он смотрел увлажнившимися из-за злого ветра глазами куда-то вдаль. Он прошел еще несколько шагов, и в ложбине показалась мельница. Шагах в ста от нее начинались дворы. Они стояли плотно, бок о бок. В сторонке, под чинарой всегдашняя возня ребятишек. Художник и этому зрелищу не уделил внимания, а пошел улицей, которую пересекал звонкий арык. Краем глаза он заметил, что один мальчишка отделился от ребячьей гурьбы и увязался за ним. Здешние дети, завидев незнакомца, следят за ним. Однако этот оказался прытким, он пустился вдогонку за Чарыевым. Видя, что художник не собирается останавливаться, мальчишка окликнул его:

– Эй, дядя!

Художник остановился.

– Чего тебе? – лениво спросил он у мальчишки.

– Ассалом алейкум.

– Ваалейкум.

Мальчишка пинком отшвырнул камень, оказавшийся у него под ногами, и повел неторопливую беседу:

– Вы ведь рисуете, да? – выяснив самое главное, он продолжал; – а я весь день вас искал. Мама сказала мне: иди, найди дядю художника.

– Что ей нужно от меня?

– Матери? – мальчишка на минуту задумался, потом нахмурился: – Дело, наверное, есть до вас. Идемте.

– А где ты живешь? – теперь уже с любопытством спросил художник, разглядывая этого лопухого мальчишку.

– Внизу, за мельницей. Пойдете?

– Ну что ж, идем.

Дорогой они молчали. Когда дошли до ворот в начале узкой улицы, мальчишка остановился и, серьезно глядя на художника, сказал:

– Пришли.

И тут только художник вспомнил про обычай – прежде чем войти в чужой дом, спрашивают о хозяине, дома ли он.

– Отец дома?

Несмотря на то, что мальчишке было семь-восемь, держался он как взрослый. Глядя прямо в глаза художнику, он сказал:

– Мой отец умер. Иначе я давно провел бы вас в дом. Вам придется здесь подождать. Я сейчас позову маму.

– Хорошо, позови.

Художник проводил мальчишку взглядом. И вдруг услышал позади себя вкрадчивое: «Почему здесь стоим, сынок?».

– Дело есть, дед, – ответил художник.

Старик, забыв о своих делах, вдруг юркнул в те же ворота, что и мальчишка.

– Бибигуль! – закричал он с порога.

Из глубины двора откликнулась женщина.

Немного погодя, в воротах появилась сама Бибигуль. Она была в красном платье.

– Заставляешь гостя ждать, – сказал старик, улыбаясь.

– Ассалом алейкум, – приветствовала их женщина и пожала руку старику, а следом художнику. И он почувствовал, как горяча ее почерневшая на солнце рука. В кишлаке Пашхурд мужчины и женщины при встрече обмениваются рукопожатием.

– Заходите, – стала приглашать она гостей в дом, а стоявшему рядом сыну поручила: – Норкул, иди, позови дядю. Пусть придет. Скажи ему, что у нас художник.

– О чем речь? – спросил у нее старик.

– Я слышала, что этот человек рисует, – ответила Бибигуль. Раскрыв ладонь, она показала фотокарточку, – может, он ее увеличит.

Старик взял ее у нее из рук, повертел, но ничего разглядеть не смог.

– Кто это?

– Да, это же отец, – ответил Норкул, которому так не хотелось уходить.

– А ты все еще здесь? Ну ступай же. Позови дядю, – стала уговаривать Бибигуль. – В прошлом году к нам тоже приезжал один художник, я его просила сделать портрет. А он так и не согласился, все просил найти фотографию побольше, а где же я ее возьму?

Только теперь художник взглянул на стоявшую рядом женщину. На

шее у нее была нитка темных бус. При каждом слове бусины тихонько подрагивали. Большой кисейный платок окутывал ее голову и плечи, как частица белоснежного облака, и трепетал на ветру.

– Я ведь не фотограф, – сказал он и чуть было не прибавил «сестра», но увидев ее лицо, отказался от этой мысли. Ее спокойный и неискушенный взгляд пришелся ему по душе.

«Э-э, сделаю-ка я доброе дело для простой сельской женщины», – подумал он про себя и сказал вслух:

– Хорошо, я попробую нарисовать.

Бибигуль обрадовалась. Она пригласила его выпить чаю.

– Я должен работать, – сказал художник и ушел в маленькую гостиницу на окраине кишлака.

На следующий день художник принес ей портрет.

– Вот, взгляните, похож? – спросил он у хозяйки дома.

Бибигуль, закусив губами кончик платка, робко взглянула на портрет и кивнула.

– Кем он был? – спросил художник.

– Чабаном.

От угощения художник отказался и вышел из дома. Его догнал Норкул. Он стал протягивать деньги.

– Возьмите, мама передала.

Но художник отказался.

В тот же день он отправился в сторону соляной горы, которая издали напоминала айсберг. Едва он нарисовал этюд, смотрит – кончилась вода, и ему пришлось спуститься к речушке. Здесь он опять встретил вчерашнего старика. От него он узнал, что муж Бибигуль – Холик, в тот год, когда была суровая зима, неожиданно сорвался с вершины и разбился, что все эти годы Бибигуль живет одна, на судьбу не ропщет и растит единственного сына.

Когда старик сказал, что перед смертью чабан попросил вынести его на пастбище, в воображении художника зародилась одна идея.

И он уже никуда не сворачивая, направился прямо в гостиницу, которая находилась посреди пастбища. Он оставил в своей комнате этюдник, а сам поспешил в школьный клуб, где была размещена выставка его картин. Он хотел сегодня же приступить к пейзажу «Вечер на пастбище». В клубе было на удивление многолюдно. Директор школы обрадовался ему:

– Ты хорошо нарисовал мужа Бибигуль, – похвалил он.

– А вы откуда знаете? – удивился он.

– Бибигуль показала портрет женщинам. Они, увидев, что ты так хорошо рисуешь, пришли посмотреть на другие твои картины, – сказал директор.

«Искусство никогда не бывает понято сразу», – пришли на память ему слова одного художника, и вспомнилась трагическая судьба Гогена.

На другой день художник сидел на доске, приспособленной под скамью возле гостиницы, и наслаждался теплым днем. Солнце спряталось за облако, вдали отчетливо виднелись горы. У самого края поля, возле сломанного моста играли ребяташки. Сторож гостиницы вел со стороны зарослей джиды корову, он прервал раздумья художника.

– Не сидите так, идемте, попьем чаю.

Художник почувствовал, что для его пейзажа прямо-таки необходима такая вот корова. Поэтому он, подойдя к ней поближе, стал рисовать ее.

Позже он лежал в своей комнате и, глядя на гнездо ласточки под потолком, почему-то вспоминал свою жизнь в городе, свои картины, и досконально анализировал свое творчество.

Художник остался в кишлаке еще на несколько недель. В светлые долгие летние вечера он сидел в комнате и рисовал портрет Бибигуль и ее мужа. И эта работа доставляла ему удовольствие. За это время к нему несколько раз приходил Норкул. Художник сразу убирал портрет или поворачивал холст изображением к стене, а мальчишку занимал рассказами или давал посмотреть книжку с картинками.

Работа уже близилась к концу, как вдруг его свалила простуда.

В тот памятный вечер, не переставая, шумели деревья, они словно чувствовали, что должно произойти что-то необыкновенное. Художник лежал на кровати и листал книгу. Дверь тихонько отворилась, и он увидел у нее в руках чашку горячего супа.

Поправив рукой платок, у нее были красивые длинные пальцы, Бибигуль подошла к картинам. Поняв, что больше всего ее волновало в этот момент, художник поставил перед ней картину, на которой была изображена Бибигуль. Она встречала мужа взглядом, полным любви, нежности, и какой-то девичьей стыдливости.

На миг Бибигуль застыла. После, приблизившись к картине, она стала гладить руками лицо и волосы мужа, она относилась к изображению, как к живому человеку. Художник стоял тут же, рядом и,

глядя то на картину, то на Бибигуль, смеялся, его переполняла какая-то неведомая радость. Бибигуль отняла, наконец, от картины дрожащую руку. И стремительно выбежала из комнаты. Полная луна изливала на округу золотые лучи, по тропе через пастбище уходила Бибигуль.

У дверей гостиницы стоял художник. Он смотрел вслед женщине, и ему казалось, что он видит это во сне. Видение вдохновило его, и в душе зародилось новое произведение.

ЭТЮД

Открытие разом не делается. Мне кажется, все начинается с крупинок, с самых малых качественных изменений, которые и предваряют это открытие. Речь идет не только о новизне формы, очень важен образ мышления. Постигнув искусство познавать мир, я в каждой вещи и через нее научился видеть новое. Рисуя, я каждый раз что-то открываю для себя.

Только для себя и в себе. Если мое открытие будет признано временем, то оно станет, действительно, открытием. Чтобы этим открытием опередить свое время, нужно обладать большим дарованием. Ибо и сам мир, и человек, и искусство, и Земля постоянно меняются.

Окружающая среда оставляет свою печать на произведении, которое ты создаешь. Это естественно. Мне кажется, открытия нужно делать не в области формы, а исходя из внутренней потребности в пространственных связях с жизнью. Нужно бороться за право осознавать себя, за право изображать все, что ты любишь, чем ты дорожишь таким, каким ты это видишь.

Из дневника художника.

Ранняя весна. Берег реки. Тропа, по которой мы шли, поросла тамариском. Художник почему-то пошел медленнее и стал озираться по сторонам. Из-под ног с шумом вылетели птицы и сели на ветку развесистого дерева, растущего возле речки. Художник:

– Сколько же здесь деревьев! Тридцать лет назад я прошел по этим местам пешком, – сказал он, и, словно пытаясь, что-то вспомнить, задержал свой взгляд на дереве.

Когда красноватые лучи солнца коснулись вершин Кухитанга, мы

продолжили свой путь. Кривые ветви низкорослого дерева преградили нам дорогу. По левую сторону от него – глубокая пропасть. С этого места отчетливо просматривается ее противоположный край.

Художник понюхал ветку, побитую морозом.

– Она пахнет яблоком, незрелым, погубленным уже в завязи, яблоком, – промолвил он тихонько.

Мы долго смотрели на небольшую, затерянную среди холмов, красноватую гробницу диковинной формы, на девушку в красном платке, которая вела на поводу лошадь по переливающимся на солнце изумрудным лугам.

– Замечательный вид, – воскликнул Рузы-ака. – Вот уж пятнадцать лет подряд я приезжаю сюда, в окрестности Шерабада, чтобы писать пейзажи. Но в каждый мой новый приезд я вижу другой пейзаж. Честно, мне нравится, любуюсь здешней природой, делать этюды. Работа спорится. Этюд – душа будущей картины, ее сердце. В нем нужно определить цветовую гамму будущей картины, найти композицию, помимо того, что нужно выбрать передний и задний планы, здесь должна найти отражение гармония между душой человека и природой. Это очень важно. Скажу честно, это очень сложная работа. Но на первый взгляд это незаметно. Спросите, почему? Да потому, что кажется, что художник просто копирует природу.

По правде говоря, я и сам считал рисование этюдов легкой работой: определить в пейзаже свет и тени, перенести все это на холст, для этого рисовать каждый день в одно и то же время...

В ложбине между отрогами гор текла река, мы вошли в небольшой двор, расположенный на ее берегу. Эта дача принадлежит совхозу «Шерабад». Вот уже несколько месяцев здесь живет и работает Чарыев. Рядом с садом – древняя крепость. На противоположном берегу реки виднеются двory, холмы, адыры, древняя гробница. Несколько лет назад эти края покорили и мое сердце. Еще и поэтому я завел обычай часто приезжать сюда, быть первым зрителем новых работ художника. В каждый свой приезд я заставлял Рузы-ака за какими-то новыми хлопотами. Кишлак Куштегирмон – в пяти верстах от Шерабада. По этим дорогам летом-то не пройдешь, а уж про зиму и говорить-то не стоит. Только художник ни разу не посетовал по этому поводу.

В тот день мы пошли с ним в местечко, называемое Чаманкул. Одолев большую гору, мы очутились в долине, покрытой дерном. Был день народного гуляния. По горизонту тянулась горная гряда, зеленые

холмы. А на народном празднике – жаркие бои палванов, танцы, песни, беготня и суматоха. Повара хлопочут над котлами, готовя праздничные блюда. Словом, картина, радующая глаз и услаждающая душу. Художник долго кружил в праздничной толпе. Пока не увидел компанию людей, восседающих по-турецки на разостланном пологе. Он замер: «Восемнадцать лет я не мог найти ключ к одной своей картине. Вот он – этот ключ. Теперь мне нужно нарисовать этюд с этой компании». Сказав это, он примостил холст на камне и приступил к работе. К полудню этюд был готов.

Вскороности мы вернулись на дачу. Кое-что в этюде он переписал заново. Я мысленно восстановил давешнюю картину. На этюд художник перенес все самое выразительное, что было в бытовой сценке, самый дух этого застолья, прорисовал планы, основные цвета.

– Я бы посоветовал начинавшему художнику в первую очередь писать этюды.

Я спросил у Рузы-ака, как выбирать место для этюдов.

Он не спешил с ответом.

– Когда мы дойдем с тобой во-он до того кишлака на перевале, тогда я тебе и скажу, – пообещал он.

Мы побывали в названном месте – Хатки и Танги. Увидев заброшенные, и в самом деле беспредельные сады, я был поражен.

– Сады Кухитанга пришли в упадок, – говорил с горечью художник, – люди перебрались в степь. Я читал книгу Лагофета, где он пишет, что в начале XX века в этих краях шумели сады и большие леса. Вот все, что осталось от былых садов и лесов. Правда, леса еще встречаются на склонах вон той горы, но и там изрядно поредели.

Теперь в голосе художника было отчаяние.

– Эти сады сейчас заброшены. Посмотри на эти пейзажи.

Он поставил передо мной пейзажи, которые написал здесь. Когда среди полотен, где были нарисованы картины природы, я стал встречать деревья, с которых ободрана кора, сломаны ветви, у меня заныло сердце. Все это дело рук «дикарей», которые ставят в лесу палатки и живут, нисколько не считаясь с окружающей природой. Многие из них оставляют на стволах деревьев свои инициалы. Кто-то варварски, безжалостно содрал с дерева кору. Теперь, наверное, и вам стали понятны жалобы художника.

– Вот видишь, этюд просто так не пишется. На нем должно быть запечатлено такое, что может повергнуть сердце художника в трепет.

Говоря это, он предложил мне посмотреть еще один этюд. На нем была изображена гробница Ходжи Исо Мударриса Термези, поклониться которой, мы ходили на днях. Дело в том, что мечеть, находящаяся рядом с гробницей, созданная, подобно мавзолею Исмаила Самани в неповторимом архитектурном стиле, по причине своей беспризорности и заброшенности, стала разрушаться. Однако никому нет дела до этого замечательного памятника архитектуры. Когда мы встретились с руководителем района, он ответил, что если соответствующие организации разрешат провести реставрационные работы, то они и справятся с этой задачей.

На этюде был нарисован как раз этот памятник. Древнее строение, по стенам которого пошли трещины, где птицы вьют гнезда, было выписано с любовью и печалью.

День стоял ясный, воздух был пропитан запахом меда. Мы долго беседовали, сидя на веранде. Наш разговор касался картин природы, животного мира, какую роль они играют в жизни человека. Как тут было не вспомнить книгу доктора биологии Н. Реймарса о заповедных зонах. Известный ученый отстаивает в своем труде идею возрождения заповедных зон природным путем. Он провозглашает такой лозунг: если дерево сломалось – не прикасайся к нему, если чересчур расплодилось насекомые – молчи. Сильно увеличилось поголовье животных – не торопись. Все потихоньку, само собой придет в состояние равновесия. Потому что вмешательство человека в эти процессы, независимо от того, хорошее оно или плохое, в большинстве своем приводит к нарушению этого равновесия. Таково мнение ученого. Заслуживают внимания и работы И.К. Пачоского, основателя замечательного народного сада, который считается одновременно ученым России и Польши.

– Скажите, ну почему у нас эти законы не воплощаются в жизнь, – воскликнул художник.

Чтобы хоть немного ободрить его, я рассказал о том, что в крупнейшем заповеднике Таджикистана – Полвонтукае, сейчас руководствуются положениями профессора Реймарса.

С ближнего дерева донеслось воркование горлинки. Художник издал в ответ похожие звуки. И горлинка ему ответила. Они так «переговаривались» минут десять. Я был удивлен.

– Неужто вы и язык птиц знаете?

Он рассмеялся:

– Я люблю слушать пение птиц. Случается, что на природе обостряется чувство одиночества. Тогда начинаешь прислушиваться к пению птиц и голосам зверей... Но стоит прозвучать выстрелам и устанавливается мертвая тишина. Это нагоняет тоску. Для меня это невыносимо.

Он рассказал случай, как отнял у одного своего приятеля винтовку.

– Этот бесстыжий собирался охотиться на кекликов, в пору их брачного сезона, – разволновался художник. – Ах, если бы в каждом кишлаке открыть картинную галерею. Может быть тогда, люди, глядя на себя, на пейзажи, смогли бы прийти к каким-то очень правильным решениям. Самая замечательная вещь на свете – это самообразование. Школьники не должны упускать эту возможность. Начинающим художникам я бы советовал читать книги по ботанике, зоологии, медицине, философии, классическую литературу. Все это выразится в рождающемся произведении.

Он встал и как всегда радостно распахнул настежь створки окна и стал смотреть вдаль.

– Окно – это мой телевизор, – сказал он.

Установив картон, художник стал зарисовывать тень от горы, которая падала на бескрайнюю холмистую степь.

– Эту передают состояние души человека, его переживания, – сказал он, наконец. – Это спрятано в каждой краске. Найти это и понять – задача зрителя.

* * *

Вы убедитесь в одной вещи – через свою живопись художник выражает любовь к трудовому народу, к простым людям. Любовь эта, переливаясь как радуга, естественно, не затмевает слабо окрашенных мест, неточность линий. Но одно все же совершенно очевидно – художник всегда справлялся с поставленной задачей, работал свободно, без натуги и напряжения. Каждый посетитель галереи чувствует это сердцем. «Кумкурганские яблоки» – одно из значительных произведений Р. Чарыева. В этой работе через трогательные образы девушек художник передал красоту людей нашей земли, которую он неустанно воспекает в своих работах, открывая новые грани.

– Итак, Рузы-ака, вы же не ответили полностью на мой вопрос, часто ли вы огорчаетесь или обижаетесь на что-то? – вернулся я к теме

нашего разговора.

– Бывают ситуации, когда я не скрываю свою обиду, – сказал он смеясь. – Увидев недавно, в каком неказистом здании разместилось Управление культуры, я всерьез огорчился. Нужно ведь понимать, что это управление культуры! Другая вещь, которая часто повергает меня в уныние – это поведение человека, его культура. Это уже прописная истина, что каждый человек должен быть воспитанным, культурным. К сожалению, я чаще всего сталкиваюсь с полной ее противоположностью. Вы знаете, просто нет сил, видеть этот официоз, бюрократизм, грубость, фальшь. Еще один момент. Некоторые искусствоведы и журналисты, когда пишут о творчестве художника, делают это очень поверхностно. Вы думаете, что читателю важно знать только о званиях художника и о его жизни? Очень важно высказать свое собственное мнение о деле его жизни – о произведениях. Большинство же в одних и тех же выражениях характеризует и творчество Пикассо и любого начинающего художника. Нельзя так обесценивать слова. Иные даже звания художника умудряются перевернуть. На днях я услышал по радио такую информацию о себе: «Недавно по инициативе народного художника Узбекистана Рузы Чарыева в Термезе открылась художественная галерея». Мне ведь это звание не присваивалось.

– Рузы-ака, по-моему, это не столь уж великая ошибка, – ответил я ему. – Вы давно уже народный художник.

– Человеку приятна лесть, – сказал он, смеясь, – Вот это и плохо.

Да, даже об этом говорит его открытый, искренний «Автопортрет».

В «Автопортрете», созданном в 80-х годах, необычайно жизненно передан образ художника, выполненный нервными мазками. Прекрасно передана сосредоточенность смотрящих на зрителя, горящих глаз, смуглое лицо, обрамленное густой черной бородой с проседью. Чередованием вертикальных, зеленых и серых полос его одежды подчеркивается пульсирующее движение, характерное для личности художника. Сдержанная гамма красок отвечает эмоциональной тональности образа и выразительности психологического состояния. При подчеркнутой неподвижности лица, глаза в портрете несут в себе определенную эмоциональную ноту, которая завораживает зрителя, устанавливает с ним волнущий контакт. Этим внутренним горением проникнута духовная жизнь

художника и его живопись.

Его вдохновляют и народные песни о первой степной былинке, воспоминания далекого детства. Летом он торопится запечатлеть пейзажи, щедро освещенные солнцем. Осень еще богаче сюжетами и красками. В плавно увлекаемых осенними водами опавших листьях художник видит аллегорию на мечты и чаяния человека. Художник ищет соразмерность между неиссякаемыми красками природы и человеческим обликом.

Когда он находит эту соразмерность, радуясь, как ребенок, восхищенно восклицает: Гениально! Прекрасно! Где вы пропадаете, посмотрите на это произведение! Вы только взгляните!..

Часть вторая

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ХУДОЖНИКА

Одиночество

Начало января 2004 года...

Погода стояла теплая. Несмотря на то, что зал отапливался хорошо, художник лежал на диване, укутав ноги пледом. Тело стыло, но мысль работала четко, ясно. В памяти проносилась вся жизнь. «Почему же так случилось? Когда-то, когда я готов был умереть, бог не отнял у меня жизни. Видно, теперь час настал. Но отчего же тогда он не взял мою жизнь?» – думал художник. Рузы помнит (будто все это было вчера), что когда он в первый раз хотел покончить с собой, ему было лет 14 или 15. Тогда его выставили из детского дома, сказав, что он им не подходит по возрасту. Ему до смерти надоела бездомная жизнь, скитание по улицам, бродяжничество. Решив поехать в Термез, он с трудом пробрался «зайцем» на товарный состав Душанбе – Ташкент.

Ему до боли стало обидно за свою беспризорную, сиротскую жизнь. «Лучше умереть, чем жить вот так», – думал он, – а когда состав, проехав через Сурхандарьинскую степь, достиг моста Македона, решил броситься вниз. Но увидел на желтом холме маленькую девочку. Он постеснялся сделать это на ее глазах. Позже, когда пошли то кручи, то равнины он, крепко зажмурив глаза, спрыгнул с поезда.

Несмотря на то, что состав мчался с большой скоростью, мальчик упал на большой саксаул и отделался лишь ссадинами да царапинами.

«Видно, бог любит тебя. Надо же, даже переломов никаких нет», – сказал тогда пастух, пасший неподалеку свое стадо. Во второй раз он совершил попытку самоубийства уже будучи взрослым, разумным юношей, когда учился в институте в Санкт-Петербурге. Он голодал. Вот уже три недели у него во рту не было маковой росинки. Надеюсь найти хоть одного покупателя на свои рисунки, вышел на улицу. День прошел бесплодно. С посиневшими губами он стоял на мосту над Невой, тоскливо глядя на воду. «Довольно мыкаться, иди ко мне», – словно звала река. Он осторожно отложил в сторонку большую папку с рисунками и уже перегнулся через парапет, готовый кинуться в воду, как чьи-то сильные руки крепко схватили его за плечи. «Не глупи! Бог любит тебя», – сказал кто-то. Это был его однокашник Ахмад с факультета ваятелей (скульптурного факультета). Тогда он убедился, что бог действительно любит его.

Спустя много лет, в 1986 году, у Рузы была депрессия, он собирался свести счеты с жизнью и даже написал завещание.

На первый взгляд казалось, что в жизни у него все в полном порядке. Достаток, почет, успехи в творчестве. Чего еще желать человеку, пережившему голод, бродяжничество и достигшему полного благополучия? Но на душе было беспокойно, мир представлял в самом мрачном свете...

Что же явилось причиной подобной депрессии? Возможно, боль в душе – следствие пережитых прежде невзгод? Но было ясно одно: бог и в самом деле помогал ему. Именно в это время к нему приехал старый знакомый из Сурхандарьи. Рузы, ощутив прилив сил и радость жизни, позабыл о своем намерении и уехал вместе с другом.

Однако в 70-е годы прошлого столетия на жизнь художника было совершено покушение... Рузы пошел проводить гостей, приходивших в его мастерскую. Увлеченный интересной беседой с ними, он проводил их до остановки Салар. Простившись, он тем же путем возвращался домой и увидел двух верзил и девушку. Ему показалось, что эти верзилы к ней пристают. «Нельзя обижать такую красивую девушку», – сказал он, проходя мимо них. Один из парней догнал его и попросил закурить. Рузы повернулся к нему, чтобы сказать, что он не курит, и тут подошел второй и пнул его в живот. Рузы когда-то, еще в детском доме, обучался приемам бокса у Владимира Кадырова, детдомовского тренера, ставшего позже руководящим работником. Применяв прием, которому обучил его бывший тренер, Рузы дал нападавшему сдачи. В

руке другого хулигана был кастет, которым он ударил Рузы по голове. Очнулся Рузы уже в больнице. У кровати сидела его жена Марина и плакала. Оказалось, что он пролежал в забытьи четверо суток. В ту ночь окровавленного, лежавшего без сознания, Рузы узнал проходивший мимо репортер УзТАГ Юрий Кружилин и доставил его в больницу.

Дни, проведенные в Ходжикенте

Он шел по извилистой, словно змеиный след, тропе, и ему хотелось кричать во весь голос или пуститься бегом. Его очаровывало здесь все: таинственность окружающей природы, высокие горы, аромат цветущих на высоких холмах цветов, игривое течение ручейков, выбивающихся из-под пещер и расщелин скал. Места эти резко отличались от пейзажей Средней России или лесов Сестрорецка, где он бывал в годы учебы в Ленинграде. Здесь было все иначе – цвета богаче и ярче. Но писать он пока не торопился. Надо сначала найти место, где остановиться, а затем уже можно приступить к работе.

По пути из Газалкента Рузы сделал много карандашных набросков... Этот парень довольно часто посматривал на него. Лицо у него выразительное, можно сделать набросок. Подойдя к большому валуну и поставив этюдник, Рузы взглянул на парня. Они вышли из автобуса полчаса назад. Шофер сказал, что мост через реку смыло, и он не сможет ехать до Хумсана. Четверо пассажиров нехотя вышли из автобуса. Один из них пустился в путь пешком. Двое – старушка и молодая женщина с ребенком на руках – отправились к домам ближнего кишлака.

Внимание шофера привлек вышедший из автобуса последним Рузы. Этот человек в соломенной шляпе с мягким добрым лицом показался ему знакомым. Складывая смятые деньги, вынутые из кармана, он еще раз взгляделся в пассажира и вдруг невольно соскочил с места. «Рузы!» – воскликнул он радостно.

Шесть месяцев назад, когда жену шофера надо было госпитализировать в клинику для переливания крови, Рузы помог ему. В то время он как раз писал портрет врача-гематолога, с которым познакомился на выставке.

Рузы встретил во дворе клиники переливания крови, где работал его новый знакомый, парня, весь облик которого напомнил ему Пабло

Пикассо. Представившись, он попросил позволить ему написать с него портрет. Тот сначала согласился, позже поведал ему о своей проблеме. Оказалось, что в клинике не было свободных мест... Рузы обратился к своему знакомому гематологу, и тот устроил пациентку в своем кабинете.

Рузы тоже вспомнил об этом и приблизился к водителю. Поздоровавшись, шофер спросил у Рузы, куда он держит путь. Услышав, что ему надо в горное село, пожалел о том, что автобус не сможет туда проехать. «Ничего страшного. Я присоединюсь вон к тому парню и пойду пешком», – сказал Рузы. Он нескоро догнал ушедшего вперед юношу. Ему пришлось окликнуть его и попросить подождать. Парень спросил, куда он направляется. «В Чарвак», – ответил Рузы. Оказалось, что спутник его останется в кишлаке неподалеку. Они шли молча. Вокруг было очень красиво. Ветерок со стороны реки, шумевшей своими водами, доносил аромат цветов, росших вдоль берега. Хотелось остаться здесь, чтобы запечатлеть эту дивную красоту. Спутник же его задумчиво мерными шагами шел впереди.

Увидев, что Рузы взмок от пота, он взял у него рюкзак, чтобы облегчить ему ношу. А ведь не каждому по душе нести чужую ношу по трудной горной тропе. Особенно часто он встречался с подобным явлением во время походов в горы, когда еще был в детском доме...

Рузы приехал сюда из-за горных пейзажей. Краски Бурчмуллы, Хумсана, Ходжикента намного мягче и теплее, чем горные Сурханские, Байсунские, Кухитанские. Солнечных лучей здесь гораздо меньше, а иных мест они и вовсе не достигают. Он заинтересовался здешними местами, увидев их красоту на полотнах Урала Тансыкбаева, Уфимцева.

– Погода портится, – сказал спутник, бросив взгляд на шлепанцы Рузы. – Стоит лишь слегка пойти дождю над Кызыл жаром (Красным обрывом), как дороги превращаются в глиняную жижу, – сказал юноша и добавил:

– Надо идти быстрее... Прибавим шагу, чтобы успеть до дождя пройти это место, кишлак уже близко...

И в самом деле, не прошло и минуты как хлынул дождь. Поднялись наверх, увидели внизу деревья, дворики, дома, расположенные вдоль берега. Некоторые дома располагались на склоне холма один над другим, напоминая лестничные ступени.

В Байсунских кишлаках тоже можно увидеть подобную картину, однако там дворы и дома примыкают один к другому, отчего и вовсе

похожи на лестницу. Когда они достигли берега, дождь превратился в настоящий ливень. Там, где река была мельче, на ней лежали валуны, по которым можно было перебраться с одного берега на другой. Перепрыгивая с камня на камень, Рузы решил взглянуть на отставшего спутника и повернулся. Не рассчитав расстояние между валунами, он сделал шаг... и упал в воду. Холодная вода обожгла тело.

Спутник его, зная, что здесь не очень глубоко, сначала ступил на берег, поставил наземь чемоданчик Рузы, а затем, разувшись, вернулся назад. Он сильными руками подхватил Рузы, перенес на берег и спросил, сможет ли он идти. Удовлетворившись утвердительным ответом, парень стал обуваться. Однако, сделав несколько шагов, Рузы почувствовал сильную боль в правой ноге, в глазах потемнело. Ливень усиливался.

Спутник нескоро заметил, что Рузы отстал. А когда увидел, что тот сидит на мокрой земле, вернулся, поднял его и посадил к себе на закорки.

«А больница есть где-нибудь поблизости?» – спросил Рузы.

Спутник ответил, что больница только в Ходжикенте. «Я отнесу вас в хорошее место», – обещал он. Сколько времени прошло, он не помнил.

Открыв глаза, Рузы увидел висящую под потолком лампочку, светящую слабым красноватым светом. Едва шевельнувшись, почувствовал острую боль. И только теперь вспомнил, как они шли под ливнем, как свалился в реку, как спутник нес его на закорках. Лампочка погасла.

– Видно, ветер провода оборвал, – сказал старик, сидевший возле Рузы. И только он повернул голову в сторону лампочки, старик с силой дернул его за ногу. Нога хрустнула, из глаз полетели искры. Голенная кость была вправлена.

– Есть переломы, – мягко сказал старик. Он ловко намазал ногу какой-то жидкостью. Затем сделал перевязку, наложив деревянную шину.

«Желтком, наверное, намазал», – подумал Рузы.

Через некоторое время боль стала утихать. Теперь он слышал разговоры сидевших здесь людей.

– Дай бог вам здоровья. Даже если не хочешь, приходится быть табибом. Я пойду. Навещу завтра. – Это был голос парня, доставившего его сюда. – Дождь прекратился. «Старик, видно, табиб (лекарь), – подумал Рузы.

Проснувшись среди ночи и тщетно пытаясь вспомнить, сколько дней пролежал в бреду, вдруг услышал, как кричит ишак. Странно, он никогда не слышал, чтобы ишаки кричали по ночам. Хотя детство его прошло в кишлаках Сурхандарьи. Отчего же он не слышал? Может, просто не обращал на это внимания.

Лишь силы вернулись к нему, Рузы безостановочно делал наброски: горы, глинобитные дома, очаги... Когда наблюдал необычные переливы цветов, не забывал делать в углу листа с карандашным эскизом памятки с названиями красок.

Фельдшер

Вечером старик привел вчерашнего парня. – Вот это и есть фельдшер, – сказал он.

– Мы знакомы, – сказал фельдшер. Вместе приехали из города.

Старик вышел во двор в поисках своей старухи. Фельдшер подошел к Рузы и сел.

– Вам лучше? Организм у вас крепкий, быстро поправитесь, – так старик говорит. Он сказал, что вам дают с молоком мумие. Даст бог, заживет, будто ничего и не было.

В то время велась усиленная борьба с людьми, помогающими больным лечением народными способами, особенно с представителями медицины, поддерживающими их.

– Неужели дед и правда так хорошо лечит? – удивился Рузы.

– Правда, – ответил фельдшер, – я уважаю этого человека – и очень ему верю. Вот увидите, дней через двадцать будете бегать как ни в чем не бывало.

– Может, было бы лучше, если бы вы отправили меня в больницу? – сказал Рузы, не очень доверяя словам фельдшера.

– Постараюсь найти транспорт. Но, думаю, вам лучше закончить лечение начатое здесь.

Рузы задумался. Может, так и нужно сделать... Он и в самом деле чувствовал, что бедренная кость хорошо встала на место и, то ли по этой причине, то ли от того, что старик был добр и радушен, то ли здесь было много подходящего для изображения, на душе у него посветлело.

Фельдшер присел на стул, стоящий возле деревянной кровати. Он поведал о том, что многие из живущих в межгорье, обращаются к этому

табибу, если вдруг у них случаются переломы. И еще рассказал о том, что табиб перестал заниматься лечением людей после того, как районные милиционеры несколько раз приходили к нему и грозили тюрьмой.

Рузы подумал, что ему следует поучиться у старика методам лечения, чтобы следить за своим здоровьем.

Фельдшер сообщил, что он сейчас в отпуске и завтра отправляется в Ташкент, и если Рузы напишет письмо или записку, то он заедет к нему домой и передаст ее родным.

Рузы был в нерешительности. Лучше не сообщать Марине, что он повредил ногу. Словно угадав его мысли, фельдшер сказал: «Я просто скажу, что с вами все в порядке: живы и здоровы». «Загляну к вам завтра», – добавил он уходя.

Рузы достал из чемодана толстую тетрадь с надписью «Полевой дневник» и шариковую ручку. Сначала он решил было написать, что с ним все в порядке, чтобы жена не беспокоилась, затем решил рассказать в письме обо всем, что с ним случилось, откровенно. В эту ночь он спал крепко и хорошо выспался. Наутро снова пришел фельдшер. На этот раз он был в новом костюме, который отлично на нем сидел. В нем он выглядел намного моложе. Теперь Рузы увидел и то, чего не заметил ранее: весь его облик говорил, что это очень умный человек.

Рузы быстро сделал с него набросок в альбоме. Оказалось, что он из города Денау Сурхандарьинской области. «Меня зовут Тураб», – представился молодой человек.

Рузы много раз бывал в Денау у Курбан-ака и его братьев Эсоннияза и Зие, которые помогали ему, когда он учился в Ленинграде. А во время службы в армии в городе Львове он познакомился с одним парнем из Денау. Имени его он сейчас не помнил. А фамилия, кажется, Джалилов.

Рузы хотел было спросить, какими судьбами Тураб попал в эти края, но он сам сообщил:

– Жена моя здешняя. В техникуме познакомились. Сын у нас растет.

Фельдшер показал фотографию красивой молодой женщины с ребенком на руках. «Совсем как “Мадонна”, – подумал Рузы. – Обязательно напишу ее портрет». Рузы передал Турабу письмо для Марины:

«Дорогая Марина! Только что взял ручку, собираясь писать тебе, и

убедился в том, что почти разучился писать. Обычно, как ты сама знаешь, вдали от дома, будь то в командировке, или в путешествии, я не могу не писать тебе... В кишлаке этом нет телефона... Но даже если бы он и был, я бы все равно написал. В письме лучше можно выразить мысль. К тому же письмо можно сохранить. А сказанное по телефону не сохранишь.

По дороге сюда я поскользнулся и упал. Бедренная кость была сломана. Сейчас я лечусь в доме одного табиба в маленьком кишлаке по дороге в Хумсан. Я записал некоторые из его рецептов. Самое главное, я здесь сделал кучу набросков.

Собираю детали к своим будущим картинам.

Не беспокойся, сейчас я уже почти поправился. С приветом, Рузы».

Обитель искренней радости

Чувство радости не покидало Рузы с тех пор, как он стал спать во дворе на топчане. Несмотря на то, что по ночам ныли ноги, душевная радость и покой заглушали боль. Старик несколько дней назад посоветовал ему спать во дворе.

– Ноги тоже должны чувствовать свежий воздух, – сказал он. – И спать тогда будете спокойнее...

И действительно, ласковый горный ветерок радует все существо. И дождь теперь не льет так сильно, как раньше, а так, поморосит немного, освежит приятно воздух и перестанет.

Вот и сегодня солнце ненадолго скрылось за облаками, принимающими разные формы, пошел небольшой дождь и быстро прекратился. Теперь облака медленно плыли в сторону гор Курама, которые казались издали величиной с ладонь, в сторону цветущих яблоневых садов. Рузы рисовал, не отрывая взора от этих дивных пейзажей. Так он, наслаждаясь природой, искал пути к композиционным решениям. К нему подошел старик. Шаги его были легки и быстры.

– Вот там, в горах, есть много лечебных трав, – сказал он с гордостью.

Рузы взглянул в указанную стариком сторону и долго любовался буйно расцветшими в поле, хорошо видимом через невысокую ограду, цветами и травами. Белые, розовые, чернильного цвета, сиреневые, они

радовали глаз, прогоняя усталость.

Старик заметил старушку, которая суежилась у очага.

– Что случилось, мать? – Она шла в сторону дома с горячим чайником в руках.

– В доме завелись муравьи, – ответила озабоченно женщина. – Стоит выставить на дастархан сладкое, как они валом валят к нему. Вот я им сейчас покажу, чтоб они пропали!

– Эй, эй, старуха! – Старик соскочил с топчана и ловко отнял у нее чайник с кипятком. – Муравьи тоже живые существа. Они пришли на свет, чтобы жить. Зачем вы хотите взять грех на душу, убивая их?!

Старушка удалилась в дом, недовольно качая головой. Вскоре она вышла и постелила на топчане скатерть.

– Вот он какой наш дед... Сердце у него доброе... Только ко мне больно строг, – заметила она.

Старик бросил на жену быстрый взгляд.

– Неужели? – улыбнулся он и соскочил с места.

Рузы в это время не видел, что делает старушка, но чувствовал, что глаза ее, когда-то сверкавшие чудодейственной силой молодости, и сейчас смотрят мягко и ласково, лицо ее просветлело, щеки, когда-то напоминавшие наливные яблочки, зарумянились... А старик, не обращая внимания на присутствие Рузы, обратился к ней:

– Помнишь, что ты ответила на мою частушку?

– Нет, – слукавила старушка. – Не помню... Ответила, наверное, как могла. Столько лет минуло, разве упомнишь?

– Ты ответила вот так, – старик забренчал на домбре.

Рузы услышал, как старушка тихонько вздохнула. А старик, отставив домбру в сторону, поднялся и встал, хитро улыбаясь.

– Сама ведь хотела, чтобы жених был озорником, а? Эх, старуха, а еще говоришь, что я строг с тобой.

Мысленно пожелав долгих лет жизни этим милым старикам, столь долгое время прожившим вместе, художник стал набрасывать эскизы их будущих портретов.

Рассветает. Вдали виднеются окутанные светло-сиреневым туманом горные вершины. На айване сидит женщина в национальном платье, кого-то ожидая. Ее клонит ко сну, она устала. Рядом лицом вниз спит мальчик. На краю паласа – женские галоши и шлепанцы мальчика. Здесь будто все застыло в вечном ожидании. Рузы подобную картину увидел впервые. А в Сурхандарье он дал ей название «Песня».

В общем именно тогда он понял, что есть шарлатаны, а есть настоящие табибы – лекари. Многое он записал из уст своего спасителя.

Позже, бывая в творческих командировках, он всегда брал с собой целебные корни и травы. Обучил, как их готовить свою Марину, которой поначалу не нравилось все это, однако позже она использовала в лечении рецепты русских травников, что присылали ей мать и подруги.

...Откуда же, несмотря на все их старания, появилась все-таки эта болезнь?

Кто-то посоветовал ему однажды: «Рузы, ты работаешь с масляными красками, а они все ядовиты. Поэтому не оставайся ночевать в мастерской. Тот же художник посоветовал после работы с масляными красками выпить граммов пятьдесят водки. Кто же это был? Ах да, вспомнил – Эдик! Эдуард Калантаров. Талантливый художник кино. Сосед по лестничной площадке. Рузы тогда писал его портрет, где использовал самые яркие краски. Эдик очень заботился о своем здоровье, но, к сожалению, скончался рано. Кто-то говорил, что его ужалила пчела, и от этого он умер, кто-то, что его убили. Рузы последовал совету Эдика выпивать немножечко, но словам «не оставайся ночевать в мастерской», не придал значения.

МАРИНА

Прошли годы. В Санкт-Петербурге после смерти матери Марине в наследство досталась маленькая однокомнатная квартира. Там и жила она после получения российского гражданства и лишь один раз в год, осенью, приезжала в Ташкент. Рузы ей разрешал это. Да она и не нуждалась в его позволении, все делая по-своему.

Он помнит, как впервые познакомился с Мариной. Он тогда учился в институте в Санкт-Петербурге и, по обыкновению, лишь выдавалось свободное время, бежал в Эрмитаж, где часами любовался картинами Ван Гога, Рембрандта и других художников. Однажды там он обратил внимание на белокурую большеглазую девушку, которая была с матерью, пожилой женщиной. Как раз незадолго до этого из письма Саши Боцмана он узнал, что его любимая девушка вышла замуж, и ходил сам не свой. Его друг Ахмад с архитектурного факультета убедил его, что искусство стоит намного выше, чем неверная невеста. «Если

девушка эта подойдет к картине Рембрандта “Девушка, освещенная лучами солнца”, я обязательно женюсь на ней, – загадал он.

Словно прочитав его мысли, Марина остановилась именно у этого полотна и стала разглядывать картину. Мать же ее осматривала археологические находки, недавно привезенные из Сибири. Теперь надо заговорить с девушкой. Но как? Надо начать знакомство с матери. Рузы подошел к экспонатам, которые разглядывала мать девушки, и будто самому себе что-то воскликнул так оживленно и радостно-удивленно, что мать девушки обратила на него внимание. Она даже спросила, чему это он так удивляется. Обрадованный, что его уловка оказалась удачной, Рузы с воодушевлением начал рассказывать о народной культуре Сибири. Затем поведал о том, что хотя теперь он учится здесь в институте имени Репина, когда-то в Термезе, познакомившись с археологом Гавриилом Васильевичем Парфеновым, стал членом клуба юных краеведов.

Увлеченная его пылким повествованием мать тут же позвала дочь: «Марина! Иди сюда! Вот этот молодой человек, как и ты, увлекается археологией!».

Подошла Марина. Она тут же заговорила с Рузы, предложила вместе посмотреть экспонаты. Мать, сказав: «Я устала. Сами смотрите. Через два часа буду ждать вас у выхода», – отошла. В тот день Рузы вместе с Мариной до самого вечера осматривали экспонаты Эрмитажа. И девушка, и он совсем забыли о ее матери, что ждала у выхода. Рузы был вне себя от радости. Оказалось, что Марина, учившаяся на археологическом факультете, прослышав, что доставлены новые экспонаты, пришла вместе с матерью посмотреть на них. Рузы рассказал ей о себе. То, что он был знаком с археологией, пришлось кстати. Марина была рада их беседе. Не прошло и шести месяцев, как они сыграли свадьбу.

Семейная жизнь требовала много расходов: плата за съемную квартиру, продукты, одежда... Через знакомых художников он иногда брал заказы на портреты, делал копии с классических полотен. Он попросил известного художника Абдулхака Абдуллаева, живущего в Ташкенте, чтобы он помог ему с заказами. Марина тоже не сидела без дела. Не бросая учебы, как могла, помогала Рузы.

Он с таким упоением рассказывал Марине об Узбекистане, что и сам диву давался, откуда только у него берутся слова.

Когда в 1961 году Рузы приехал в Ташкент, чтобы собрать

материал для работ, он взял Марину с собой. Темой дипломной работы было «Крушение Бухарского эмирата».

Для того, чтобы осветить эту трагедию, Рузы было необходимо побывать в Бухаре и написать арк (цитадель), замок, пейзажи, людей. Устроившись в недорогой гостинице, он вместе с Мариной каждый день ходил делать наброски то на базар, то к замку, то рисовал узкие улочки Бухары. Озорные мальчишки не оставляли в покое Марину, одетую по-европейски, в короткое платье, бегали за ней, приставали, дразнили. Не обращая на все это внимания, они терпеливо работали и набрали уйму материалов для будущих картин.

Диплом Рузы защитил на «отлично». И они с Мариной поехали в Сурхандарью. Тетушка по матери, которой было за семьдесят, приняла их тепло. Она не протестовала против брака с Мариной, подарила ей национальные наряды. Рузы увлеченно писал портрет тетушки, который потом демонстрировался на многих выставках. Но он не стал продавать его. В 1980 году Нурали Кабул просил у Рузы это полотно. «Нет, эту работу я не могу подарить. Дам только на время», – сказал тогда Рузы.

«Портрет по сей день у него. Ладно. Он очень много помогал мне. Я доволен им», – думал теперь Рузы. Марина тогда была совсем другая. Тетушка благословила их, сказав: «Будьте счастливы», подарила Марине бусинки от сглаза (кузмунчок).

По окончании института Рузы Чарыеву предложили остаться в Санкт-Петербурге. Марина же настаивала: «У тебя есть Родина с такой богатой историей. Давай поедem туда».

Приехав в 1965 году в Ташкент, супруги жили в мастерской художника Саши Боцмана с однокурсником Рузы по художественному училищу имени Бенькова. В том же году Рузы был принят в Союз художников. Рекомендации дали известный художник Нигмат Кузыбаев и еще несколько собратьев по искусству.

Затем ему выделили мастерскую. Однако в ней, помимо супругов Чарыевых, работали Фахриддин Тахиров, Артыков и еще два русских художника.

Когда, закончив работу, все уходило домой, Рузы с женой отправлялись спать. Некоторые из художников приходили очень рано, на рассвете. Рузы поспешно будил Марину, торопя ее: «Давай быстрее одевайся».

Наскоро одевшись, они делали вид, что встали уже давно. Рузы без

успели работать, даже ночью не переставал трудиться. Свои вещи молодожены держали в маленькой комнатке при мастерской. «Это были мои самые счастливые дни», – сказала как-то Марина. Почему она так сказала? В 1968 году бездомному художнику, обитавшему в чужой мастерской, Рузы Чарыеву с большим трудом удалось получить 2-комнатную квартиру на массиве Черданцева. Как они тогда были счастливы! Сын Навруз родился в 1973 году. Рузы записал в его метриках Навруз. А Марина звала его в память о своем покойном брате Коля (Николай).

Марина не могла пойти ему навстречу только в одном, она наотрез отказывалась привечать людей, которых он приводил к себе домой. Однажды он прочел ей стихи поэта Михаила Квливидзе из его сборника, изданного в 1967 году.

ЖЕНЕ

*Я жаден до людей!.. Всегда толпою
Вокруг меня шумят мои друзья –
Не потому, что скучно мне с тобою,
А потому, что мне без них нельзя.*

*Мне не утратить к Людям интереса,
И я, надеюсь, им необходим.
Что я один! Я – как кусок железа –
Звеню тогда, когда столкнусь с другим...*

Недаром поэт Евгений Винокуров для перевода выбрал именно эти стихи, которые отражали те чувства, что таились в душах многих творческих людей, подобных Рузы. Да, художник жил среди людей и творил ради людей. Без них, по его мнению, он – ничто. Однако Марина не захотела его понять... Стало очевидно – они с Мариной больше не могут жить вместе. Марина дала Рузы письменное разрешение, не разводясь с ней, сойтись с другой женщиной...

САД РУЗЫ

Свою двухкомнатную квартиру на массиве Черданцева Рузы Чарыев обменял в 1970 году на квартиру вдовы Карахана на улице Художников. Это был новый дом, построенный для художников в виде коттеджа. По тем временам он считался шикарным. Квартиры в этих домах, построенных на средства государства, выделялись только именитым художникам, но продавать их кому-либо было запрещено, однако с позволения руководства Союза художников был разрешен обмен. Рузы этот дом достался абсолютно случайно, будто с неба свалился.

А произошло это так. Однажды на улице его остановила женщина: «Ведь Вы – Рузы Чарыев, не так ли?» – спросила она. – Я хорошо знаю вас. Я – вдова художника Карахана. У меня к вам есть предложение»...

В назначенный день Рузы пришел к ней домой. Женщина подробно поведала ему обо всем, ею пережитом. По ее словам, Карахан любил ее с юношеских лет. Хотел жениться на ней. Однако по настоянию своих родственников, которые были против, ему пришлось жениться на девушке своей национальности – армянке. А она вышла за русского парня. Прошли годы, у нее умер муж, а у Карахана – жена. Они встретились вновь и поженились.

За это время дети Карахана выросли, обзавелись семьями и жили отдельно. А у нее от Карахана детей не было. Перед смертью Карахан сказал ей: «Я очень доволен тобой. Столько лет мы хорошо жили вместе. Когда я умру, тебе будет трудно. Дети не будут давать покоя из-за квартиры. Поэтому обменяй эту квартиру. Поменяйся с хорошим благородным человеком, талантливым художником. Я тут наметил одного. Это Рузы Чарыев, молодой художник. У него есть будущее. Обратись к нему, – наказывал он. «Было бы неплохо, если бы вы заплатили мне немного. Я одинокая женщина... Жить же надо...» – извиняющимся голосом закончила она. И вот таким образом Рузы переехал в этот дом. И прожил в нем до 10 января 2004 года.

К дому примыкает сад площадью около «сотки», хотя он и не зарегистрирован в документах, но возвращен Караханом, и в «наследство» Рузы достались карагач, куст глицинии, урючина, дающая хороший урожай, и небольшой виноградник...

Сезон здесь открывался накануне Навруза: в середине садика художник устанавливал свой мольберт, начинал писать эскиз чье-либо портрета или делал наброски пейзажа. Его ученики Абдужаббор, Зубайдулла, один из трех Курбанов (Курбан Хурсандов, Курбан

Аллаеров и Курбан дервиш – фамилии последнего не знал никто) – были здесь постоянно. Приходили также художник-керамист Ашурмухаммад Мамасолиев, Артур, приехавший из Шерабада в поисках работы, его сестра Яна, Адолат Комилова, а еще мужчины, которых выгнали из дома, или которые развелись с женами, бомжи. Кто-то ремонтировал стол или стулья, кто-то занимался уборкой. У всех настроение было праздничное. Наконец, закончив начатую работу, хозяин дома восклицал: «А ну-ка, есть что-нибудь поесть?» Достав деньги из кармана, велел принести из магазина что-нибудь из съестного и сухого вина, иногда за счет щедрого хозяина что-то варили на очаге в углу садика. Рюмка сухого вина была символом начала сезона и праздника.

Садик словно превращался в театральную сцену: кто-то появлялся, кто-то вдруг поспешно уходил, но песни звучали, продолжалось творческое общение, шла работа над новыми полотнами.

Возле садика расположена мастерская художника. Сюда ежедневно приходили коллеги, близкие ему по духу. Иные люди, не знавшие художника, думали, что здесь собираются бездельники, проходя мимо садика, они бросали недовольные презрительные взгляды, иногда даже заходили в сад и говорили что-либо оскорбительное или насмешливое. Однако стол здесь не всегда ломился от яств, как думали непосвященные, порой здесь даже нечего было поесть. Но дружеские беседы, шутки и смех за столом были всегда. Оживлению творческих бесед и дискуссий иногда способствовал приход Неъмата Кузыбаева, Дилера Имамова, Жавлона Умарбекова, Патхиддина Тахинова, Вахоба Зияева, Абдукадыра Юсупова. А Исфандиер Хайдаров, Рауф Парфи, Шукур Холмирзаев, увлеченные беседой, оставались здесь иногда до самого утра. Для тех, кто не успел уйти на ночь домой, под деревом в укромном углу садика стояла кровать с матрацами и одеялами...

Садик был полон народа до самой поздней осени, пока не наступали холода. Художник иногда уезжал то в Арктику, то в родную Сурхандарью. Но садик его всегда был полон людей...

С наступлением теплых дней Рузы работал в саду, редко заходя в мастерскую. С утра до ночи писал он свои картины, отдыхал, пел песни. Летом и осенью здесь же привечал гостей, приезжавших к нему. После ссоры с Мариной к ним в дом, кроме родственников жены, никто не заходил. Марина же изредка выглядывала из дома, лишь для того, чтобы позвать Рузы обедать. И в такие минуты художник хвалил жену,

говоря: «До чего же удивительна Марина! Никогда не вмешивается в мои дела, не морочит мне голову, прося купить то то, то это, то что-нибудь еще». Художник был прав. Марина была непритязательна к вещам, не трепала нервы художнику, не вмешивалась в его дела. После рождения Навруза и Роксаны, она почти не заходила в мастерскую Рузы.

Художник, по своему характеру не любивший одиночества, все же иногда уединялся в мастерской, чтобы посмотреть на свои картины и записи. Лишь некоторым сообщал он о том, что сидит у себя в мастерской, позволяя беспокоить только при необходимости. Однако сад для него был самой большой и любимой мастерской. «Возьми себе в привычку работать на открытом воздухе», – говорил ему когда-то Абдулхак Абдуллаев.

Часть третья

ПОСЛЕДНЕЕ ЗАВЕЩАНИЕ РУЗЫ ЧАРЫЕВА

В один из летних дней 2004 года я ждал машину на остановке Художников в Ташкенте. Мы часто встречались здесь с Рузы Чарыевым, уезжая вместе по намеченному маршруту. Дом Рузы ака находился недалеко от этой остановки. Увидев меня, он шел, громко приговаривая: «До утра работал... иду...вот... Узнать его издалека было не трудно: представьте себе человека с длинной бородой и длинными волосами, похожего на Карла Маркса. Обычно, когда мы его поджидали, он, подходя к нам, отдавая кому-то из нас свою поклажу, широко открывал объятия и всех обнимал. Он был всегда пропитан запахом керосина смешанным с запахом красок. А если к ним примешивался запах алкоголя, Рузы ака сразу начинал рассказывать, как проходила вечеринка, кто на ней присутствовал и т.д., как бы оправдывая себя. И даже в этом случае тему разговора переводил на творчество. «Эге-гей знаешь ли ты, какой портрет я создал!» – говорил он каждый раз при встрече, получая от этих слов удовольствие. Эту свою привычку он не оставил до конца жизни. «Но ты об этом никому не говори», – приговаривал он. Почему я не должен об этом говорить, я у него не спрашивал. Это была его манера говорить. Если к нам присоединялся кто-нибудь, он обязательно повторял те же слова. Хотя Рузы ака многие

годы жил в Ташкенте, он использовал из местного диалекта единственное слово – «локин» – союз «однако». Обычно же говорил на карлукском диалекте Сурхандарьи.

И на этот раз я с той же остановки впервые уезжаю в Сурхандарью, чтобы снять фильм о Рузы Чарыеве. С режиссером будущего фильма Собиром Назармухамедовым должен был встретиться здесь. Автор сценария фильма поэт Усман Азим позвонил мне и попросил, чтобы я помог режиссеру как консультант и сопровождал его в этом путешествии.

Наконец, в машине «Дамас» приехал Собир ака. Хотя мы впервые увидели друг друга, но быстро нашли общий язык. Собир ака своего времени не тратит зря. Он мне сразу сказал: «Сурхандарья находится далеко. И времени у нас много. Обо всем, что связано с Рузы ака, по памяти расскажите. Это пригодится и при создании фильма, и при написании книги о нем. Договорились? Не обязательно, чтобы это было в хронологическом порядке. Важно вспомнить яркие моменты жизни художника. Важен сам процесс воспоминания». Я был согласен с ним. По пути все, что оживало в моей памяти, связанное с Рузы ака, я рассказывал, заодно набрасывая в карманном блокноте предварительный вариант будущей книги.

ТАШКЕНТ. СЛУЧАЙ В СТАРОМ ГОРОДЕ

1980 год. Один из летних дней. Время за полночь. Мы возвращались на машине с чьей-то вечеринки. Когда машина проезжала через махаллю «Чигатай», Рузы ака велел шоферу остановиться. Художник очень любил дворы, улицы Старого города. Здесь во многих дворах были открыты столовые. Пока художник не зайдет и не посидит в одном из таких восточных двориков, он не мог успокоиться. Он остановил машину здесь не для того, чтобы поесть, его воодушевили неповторимость и необычность этой ночи. Оставив машину, зашли во двор, где горел свет. В столовой, кроме 5–6 парней, никого не было, а обслуживал их худенький молодой человек. На краю стула сидела одинокая грустная девушка. Она посмотрела по сторонам, потом на нас. Хозяин двора пригласил нас за столик, стоявший в углу. Один из парней, увидев длинные волосы и бороду Рузы ака, принес стул и любезно сказал: «Садитесь, бабай!». Тогда художнику было около 60 лет, он не любил, когда его называли «бабай». «Художник не может

быть старым! – сказал он. – Сам ты бабай». Парень посмотрел на него испытующе, потом молча куда-то вышел. Мы продолжили нашу беседу за столом. А парни то ли играли в карты, то ли во что-то другое, говорили на своем непонятном жаргоне, обменивались какими-то жестами. Все это для нас было непонятным и странным. Рузы ака, видимо, понравились цветники во дворе, старинные стены, своеобразие всего здания. Он попросил хозяина принести кусочек угля. Потом, с его разрешения, нарисовал на стене портрет красивой девушки. Это было состояние души сидевшей печальной девушки. У нас шла оживленная беседа, после чего мы стали петь. За столом нас было четверо – я с Рузы ака, Адолат Вахобова, приехавшая из Сурхандарьи (она была основной героиней картины Рузы ака «Славные девушки Шерабада») и наш шофер – фермер из Термеза. Рузы ака попросил Адолат, чтобы она немного спела. В свое время Адолат исполняла классические песни, даже выпустила свою пластинку. В 70-е годы работала механизатором, стала знатным хлопкоробом. Несмотря на то, что муж Адолат Вахобовой Акмал Исаков был лесником, он тоже великолепно исполнял классические песни. Он автор знаменитой песни «Сен бахорни согинмадингми?» («Не соскучился ли ты по весне?»). Когда Адолат вышла замуж, из уважения к мужу перестала петь. После замужества Адолат стала жить в Шахрисабзе. Она мать троих сыновей, в данный момент работает в школе. Рузы ака часто бывал там, давал консультации членам клуба изобразительного искусства. Адолат по просьбе Рузы ака вполголоса запела песню «Севмасмикан?» («Любит ли?»). Вдруг она сказала: «Рузы ака, давайте скорее отсюда уйдем». Она была чем-то встревожена. Я сразу понял, что хотела сказать Адолат и уговорил Рузы ака уйти. Адолат действительно владела какой-то внутренней силой, была экстрасенсом. Она даже лечила людей. Однажды, она помогла вылечить радикулит у самого Рузы ака. За несколько секунд она загипнотизировала мою жену и многих гостей. «Если я не потрачу свою энергию, если не буду лечить людей, то не выдержу боли в своем теле и умру», – говорила она. (Действительно, когда Адолат прекратила лечить людей, она вскоре умерла). Когда мы вышли на улицу, Адолат опять стала нас торопить: «Скорее гоните машину, эти парни – картежники-бандиты. Они поставили на кон ту девушку». Рузы ака засомневался: «Не может быть. Какие тут могут быть бандиты?». Когда мы приехали в мастерскую Рузы ака, уже начало светать. Адолат обратилась к шоферу: «Откройте багажник машины,

ничего там не пропало?». Шофер открыл багажник машины. Лежавший там запасной баллон, пишущая машинка и еще кое-какие вещи бесследно исчезли. «Хорошо еще, что вовремя уехали», – сказала Адолат. – «Благодарите бога, что уехали от них целыми и невредимыми.

«ЗДРАВСТВУЙ, НЕБО! ЗДРАВСТВУЙ, ЗВЕЗДА! ЗДРАВСТВУЙ, ЧЕЛОВЕК!..»

... Массив Урта овул, вблизи Ташкента. Когда-то сюда из Сурхандарьи переехал Эргаш Чарыев и пригласил всех земляков, живущих в Ташкенте, к себе на свадьбу. В один из летних дней мы прибыли на свадьбу. «Рузы ака, уже поздно. Оказывается, это очень далеко, может, не поедем?», – сказал я. «Поедем, земляк с таким уважением, от души пригласил нас. Кроме того, его фамилия тоже Чарыев», – ответил он. Когда мы приехали, пир был в разгаре, все были сыты и пьяны. Среди гостей уже не было таких, кого можно было бы послушать. Хорошо, что наши женщины не выпивали. Они сидели в сторонке.

Даже здесь Рузы ака начал делать в карманном блокнотике зарисовки людей, находившихся рядом с ним. В этот момент слово дали Рузы ака. Я сразу же встревожился, а что если он будет говорить, а никто не будет его слушать. Рузы ака, держа микрофон в руках, вышел на середину. Подняв руку к небу, он громко сказал: «Здравствуй, небо!» Гости, наверное, подумали, что услышат обыкновенные, ставшие привычными поздравления. Но, услышав слова Рузы ака, неожиданно все притихли. «Здравствуйте, звезды!», – продолжил он. Наступила полная тишина. «Здравствуй, луна!» – сказал художник. На небе действительно сверкали звезды, а луна, как будто зачарованная этими словами, светила над нашими головами. Гости, приехавшие на свадьбу, удивленно смотрели на этого удивительного, странного человека, ожидая, что же еще он скажет. «Здравствуй, земля!» – продолжал Рузы ака. Потом, повернув голову к людям: «Здравствуй, человек!». И только после этого приблизил микрофон к себе и печально, но громко спел узбекскую классическую песню – маком. Как бы изливая этим свои печали. После этого раздались бурные аплодисменты. «Здесь идет сурхандарьинская свадьба, – сказал Рузы ака, – это большое событие. Посмотрите на этого человека. Он приехал из Сурхандарьи и вот здесь,

собрал столько людей, играет свадьбу! Где его сын, где сын! Хеей!» – громко воскликнул он. Привели мальчика – виновника свадьбы – суннат тоя. «Посмотрите, только посмотрите на него! – сказал художник. – Он стоит, как великий Человек! Он гениально стоит! Эх, надо его рисовать вот в таком виде! И вполголоса, обняв мальчика, стал напевать еще одну песню. «Рузы ака сделал все как следует, надлежащим образом», – сказал сидевший рядом со мной Файзулла Кылич. – Понял его, или не понял народ, я этого не знаю, но в его словах много смысла. Это здорово». «Раз юрист так хорошо понял его, другие тоже поймут. А остальное Рузы ака объяснит своими произведениями», – сказал я.

ЧУДЕСНЫЕ КРАСКИ

Однажды ко мне домой пришел журналист Шерали Сокин. Показал материал, написанный им о Рузы ака. Многое – истинная правда о художнике, мне очень понравилось. Например: «...Если Рузы приходил получать свой гонорар на производственный комбинат «Рассом» или в Министерство по делам культуры за какое-нибудь свое произведение, обычно за ним увязывались нуждающиеся в деньгах восемь-десять человек знакомых и незнакомых, начинающие ученики, или просто тунеядцы и неудачники. О-о, по воле бога, как они узнавали об этом, я до сих пор не знаю. Знаю только одно, что после таких «крестовых» походов, в большинстве случаев наш художник голодал вместе с семьей. Однажды на улице я встретился с Рузы ака лицом к лицу. Смотрю, у него рот до ушей. «Э, друг, не спрашивай, я их так ловко провел. Из кассы комбината получил 910 сумов, раздал всем друзьям, кто просил денег, а себе еле-еле урвал 80 сумов», – сказал он, вынимая из кармана деньги. – Пошли выпьем». А вот еще один случай. В 1983 году наш ага (обращение к старшим — прим. перев.) был удостоен Государственной премии им. Хамзы. Неожиданно в это время мы опять с ним встретились. Стоя на противоположной стороне улицы, он жестами звал меня. Я подошел. «Шерали, посмотри-ка, сегодня мне досталась Государственная премия. У меня много денег. Можешь взять сколько хочешь. В конце концов, твое материальное положение сейчас весьма затруднительно», – сказал он. «Пока мне деньги не нужны. Вчера получил гонорар за статью», – сказал я. Когда об этом случае

узнал наш писатель Нурали Кобул, то выразил сожаление. «Зря вы так, – сказал он. – Надо было брать. Вот, увидите, он раздаст эту премию и явится ни с чем. А мы здесь в ресторане «Ташкент» в связи с его премией заказали банкетный стол на сто человек. Пригодились бы деньги при оплате». Нурали Кобул оказался прав. Этот проказник-лауреат истратил все деньги и стоял возле друзей, виновато склонив голову. Короче говоря, деньги за банкет Нурали был вынужден заплатить из своего кармана.

Образы, созданные художником, своей теплотой и яркостью приводят в восторг человека, согревая его душу. Я помню, как один мой друг искусствовед сказал: «Перед произведениями Рузы Чарыева, очень легко дышать». Любой человек, хоть один раз видевший «Сурхандарьинскую мадонну», обязательно согласится с ним.

Вот картина «Шелковое сюзане». С теплотой и нежностью изображено душевное состояние невестки, довольной своим созидательным трудом. Только что законченное сюзане служит художественным средством для его совершенствования. Произведение «Портрет брата» заслуживает внимания потому, что проникнуто особым приподнятым настроением.

Действительно, портрет в творчестве Р. Чарыева занимает важное место. Портреты, принадлежащие кисти художника, такие, как «Алишер Навои», «Икрам Акбаров», «Кутлуг Башаров», «Батыр Закиров», «Галина Пугаченкова», «Гаджиддин Мурадов», «Афганский генерал Казыхан», невольно очаровывают сильными характерами, целеустремленностью, чувствами людей, бьющими через край, людей, имеющих силу воли и стремление к подвигу. Достойны внимания когда-то своим честным трудом прославившие Узбекистан, но сейчас почти забытые образы Абдусаттора Курбанова, Чиннихол Худоеровой, Адолат Вахобовой, Шоймардона Кудратова, Тура Кувватова, запечатленные на холстах художника.

Я бы поставил наряду с классическими произведениями художника еще одну большую работу – «Портрет Адолат». Облик безвременно ушедшей из жизни художницы – талантливой ученицы Рузы Чарыева, его настоящей поклонницы Адолат Комиловой проникнут горечью утраты и печальным настроением. Сколько бы вы ни старались, вы не сможете прямо смотреть в глаза Адолат. Печаль, горе и трагедия, отражающиеся в ее глазах, не дают вам такой возможности. Это произведение своего рода реквием, посвящение памяти художницы.

Отличительная черта этого портрета в том, что жизнь простого, скромного человека приобрела в нем высокую сущность. В последние годы произведения Рузы Чарыева успешно выставлялись более чем в двадцати странах мира. В их числе Румыния, Италия, Турция, Швеция, Греция, Кипр, Мальта, Маракеш, Египет, Сенегал, Вьетнам, а также Россия (Москва, Санкт-Петербург). Видный деятель современного западного изобразительного искусства, прогрессивный итальянский художник Ренато Гуттузо, посетив у себя на родине выставку узбекского художника, сказал: «Рузы Чарыев открыл для меня новый мир!».

ЕСЛИ ПОЖЕЛАНИЯ ОТ ДУШИ...

В последнее время Рузы ака был похож на святого. Он носил белый костюм. Седые волосы и борода, вечно смеющиеся глаза, открытое лицо всегда излучавшее какое-то сияние. Знакомые и незнакомые люди приходили к нему с просьбой: «Рузы ака, благословите нас». Рузы ака, подняв руки, шепча что-то, благословлял их. Несколько раз, будучи свидетелем этого, его ученик Нурали однажды спросил у художника: «Рузы ака, вы какие ояты читали? Оказывается, вы и «Коран» наизусть знаете». «Я сосчитал до двадцати и потом благословил его. Если у него добрые намерения, то сам бог обязательно его поддержит», – сказал художник серьезно. И действительно многие из тех, кто приходил к нему получить благословение, выражали свою признательность: «После вашего благословения наши дела пошли на лад, а здоровье улучшилось».

Детство Рузы ака прошло в детских домах, он воспитывался у русскоязычных воспитателей, учился в русских школах. Существовавшая в стране идеология атеизма не дала ему возможности хотя бы вкратце быть посвященным религиозному учению. Хотя он не знал наизусть ояты и молитвы из «Корана», но всегда чтил чистую душу наших великих предков, всегда посещал с большим почтением могилы святых.

Я помню, в 80-е годы в Ташкент приехала моя знакомая поэтесса Сирье Кийн Рутсоо из Эстонии. Она сказала мне, что хочет побеседовать с муфтием Исламского университета уважаемым Мухаммад Садык Мухаммад Юсуфом, находящимся в ведении религиозного управления

Средней Азии и просила пойти вместе с ней к нему. Мы вместе пошли в институт. Господин муфтий Мухаммад Садык Мухаммад Юсуф спросил меня, откуда я родом. Когда я сказал, что из Шерабада, он встал и сказал: «О-о, вы оказывается из святых мест. Прах хадисоведа Исо ибн ат-Термези, считающегося в мире Ислама великой личностью, находится в Шерабаде». И уважаемый муфтий, показывая на стоящие рядами на полке книги Исо ибн ат-Термези, написанные на арабском языке, сказал: «Когда будете в Шерабаде, обязательно посетите могилу уважаемого».

Когда мы вместе с Рузы ака поехали в Шерабад, я сказал об этом председателю исполнительного комитета Пайгамову. Он, подтвердив слова сказанные муфтием, объяснил нам, что гробница находится в кишлаке на другом берегу реки. Мы поехали туда. Гробница, построенная в XI веке, была со всех сторон окружена осыпавшимися стенами и могилами, она находилась в ужасном состоянии. Рузы ака был очень расстроен, увидев заброшенным этот редкий памятник старины. «Я в 50-е годы эти места обходил пешком. Почему я тогда не увидел эту гробницу? По-моему, местные жители, чтобы спасти от безбожников-большевиков гробницу этого высокочтимого человека, обвели ее глинобитным дувалом...». Подробности этой поездки я тогда опубликовал в газете «Узбекистон адабиети ва санъати». Рузы ака, чтобы реставрировать гробницу, многократно обращался в разные учреждения, организации, безуспешно обивая их пороги. Однако, благодаря усердным стараниям художника, это место все же было приведено в порядок. После обретения Узбекистаном Независимости гробница была заново отреставрирована согласно международным стандартам и превратилась в одно из самых благоустроенных и почитаемых мест. Если Рузы ака было по пути, он обязательно бывал в этом святом месте. Он старался посещать и другие святыни и гробницы. В первые годы Независимости мы с ним поехали в Кунградский район Каракалпакстана. Нам сказали, что вблизи Устюрта находится древнее кладбище и святилище. Художник сказал: «Поедем туда». И мы поехали. Рузы ака очень удивился. Здешнее кладбище, по словам художника, напоминает некрополь – маленький макет итальянских городов. То, что мы увидели здесь, напоминало когда-то цветущий город. «Эти места надо благоустроить, организовать международные туристические маршруты», – сказал художник каракалпакским друзьям. Хотя Рузы ака не был религиозным

человеком, он стремился узнать историю религий, стараясь читать больше литературы на эту тему. Если кто-то начинал хвалить только ту религию, в которую верил, а религию других народов старался унижать, он был недоволен. С такими людьми он даже не спорил. Рузы ака спорил только по вопросам искусства, творчества. Что касается других тем, он слушал собеседника терпеливо, не отрицал, не подтверждал сказанного. Всегда давал возможность собеседнику спокойно высказаться, слушая его, говорил: «Неужели? Это так, да?» и, как бы удивляясь, смеялся. А окрыленный собеседник с большим воодушевлением все говорил и говорил. Рузы ака больше всего интересовала информация, получаемая от собеседника, его действия, образ мысли, и он использовал все это в своем творчестве.

ДУШЕВНОЕ СИЯНИЕ

Я не могу забыть, как в детском доме воспитательницы и даже сам директор воровали мясо, молоко, масло и другие продукты питания и продавали их. Все это происходило прямо на наших глазах, а мы, молча и с грустью, смотрели им вслед, не зная даже, что все это предназначалось нам, и было выделено детям Родиной. Я до сих пор не могу себя простить. Почему я, хотя бы ради истины и уважения окружающих меня друзей, которые нуждались в родительской любви, материнской ласке, зная об их преступлениях, ничего не смог предпринять. Может, это из-за того, что был ребенком, или не обращал на это внимания?

Во время войны в детском доме я лежал рядом с детьми, привезенными из Санкт-Петербурга. Я заплакал, увидев, как они едят. Одной рукой держали хлеб, а другую подставляли под нее, чтобы ни одна крошка не упала на пол. Да, они знали, что такое голод. Самое страшное случалось вечером. Как будто их только что привели с поля боя, и, искупав, уложили в белоснежную постель. Они дрожали, задумчиво смотрели в потолок, засыпая. А некоторые из них просыпались в полночь и плакали. Однажды кто-то из этих детей, увидев, как я рисую, сказал мне, что пишет письмо отцу и в письме хочет отправить мамин портрет. Я нарисовал его будто он дарит маме цветы.

– Мама у меня не такая, – сказал он, обидевшись на меня, – ее глаза

были очень красивы. И волосы, как у нее, не получились. Нельзя отправить этот рисунок отцу.

Я не ожидал от него таких возражений. Впоследствии узнал, что он был прав. Когда они ехали сюда из Ленинграда, мама этого мальчика погибла, а отец не знал об этой трагедии. После того случая каждый раз, когда рисую образ женщины, мне кажется, будто кто-то, стоя возле меня, всегда возражает. Хочу сказать, что учили меня рисованию очень многие. Я хочу, чтобы каждый человек родился в душе художником и жил как художник. Потому что профессия художника – это не только рисовать, а еще дерзать. В душе каждого человека заложено искусство, есть заряд красоты. Какое счастье, что я стал его верным тружеником.

Только такая великая личность, как мать, бывает причиной рождения великих. Ее любовь к своему ребенку – это ее преданность обществу. Возьмем, к примеру мою картину «Колыбельная». И ребенка, который лежит в бешике (колыбели), и мать, качающую его, я позволил себе рисовать белым цветом. Этим я хотел сказать, что их чувства по отношению друг к другу искренни и чисты, как белый цвет. В таких произведениях, как «Мелодии Сурхандарьи», «Девчонка», «Рождение дочери», когда я создавал образ матери, мне все время казалось, что я не справлюсь с этим образом. Да, да, ни один художник не имел счастья изобразить ее точно.

Когда изображаю ребенка, прежде всего, считаю его ребенком. Возьмите, например, такие произведения, как «Дети капитана Гранта», «Тимур и его команда». В них через мировоззрение взрослых раскрывается жизнь детей, их мечты, их борьба. В картине «Свирель» из цикла «Одесские воспоминания» изображен мальчик, окунувшийся в светлые, утренние лучи. На пастбище пасется пегая корова. Ишак, поворачивая шею, ревет во все горло. А на возвышенности – мальчик, не обращая на них никакого внимания, играет на свирели. Он настолько занят своим делом, что не слышит и не видит событий, происходящих вокруг него. Вся его сущность, все его мысли заняты лицезрением красоты. Неожиданно задаешь себе вопрос: кто этот мальчик? Почему он с таким увлечением играет на свирели? Живы ли его родители? Или соскучившись по ним, он отводит свою душу с помощью мелодии? Как рождается мысль у детей, я не знаю. Но у меня была именно такая цель, когда я создавал эту картину. В произведениях «Дружная семья», «Благородный» я проникал в мир ребенка через жизнь взрослых.

ПОСЛЕДНЕЕ ЗАВЕЩАНИЕ РУЗЫ ЧАРЫЕВА

Прочитав такое заглавие, можно подумать: «Неужели Рузы ака писал завещание несколько раз?». Да! Одно из них, написанное его собственной рукой, не было утверждено нотариусом. Оно случайно было обнаружено среди страниц одной книги на узбекском языке, которую отдала мне Марина. Завещание написано на русском языке. Вот его текст:

Завещание

От 22 декабря 1986 г. перед отлетом в Москву. Все, что я, как художник Рузы Чарыев, рожденный в 1931 г., имею, оставляю семье – мои произведения, написанные до 1983 г. А созданные до 1986 г. 22 января оставляю своей ученице Комиловой Адолат, которая сыграла большую роль в создании этих работ. Она имеет право иметь эти работы у себя, когда меня не будет в живых. Заполнить не было времени, но я думаю, что добро должно победить зло.

К сему – художник Рузы Чарыевич Чарыев. 22 декабря 1986 г.

Последняя просьба – похоронить меня в кишлаке Пашхурт Сурхандарьинской области.

Всегда я шел к тебе, моя земля, и, наконец, пришел. Прости, что так долго скитался.

Для чего же было написано это завещание? В то время он мне говорил, что у него сильная депрессия, и ему надоело жить. Я думал, что он просто шутит. Но когда начал читать это завещание, подумал, что его намерения были серьезными. Меня до сих пор мучит один вопрос. Почему такой человек как Рузы ака, человек сильной воли, испытавший все тяготы и трудности жизни, сиротские страдания, хотел свести с жизнью счеты. Вот теперь, судя по завещанию, можно узнать, что он в третий раз хотел покончить жизнь самоубийством. Что же случилось тогда, в 90-е годы? Об этом я могу лишь догадываться. Рузы ака в то время полюбил одну красивую женщину, имя которой нам неизвестно, но в его картинах она названа Согдианой. Отношения между художником и этой незнакомкой немного похожи на любовный дастан известного писателя Чингиза Айтматова с балериной Бибисорой Бейшеналиевой. Хотя Б. Бейшеналиева не согласилась официально

выйти замуж за Ч. Айтматова, но они всегда были близки. А отношения между Рузы ака и Согдианой были несколько иными. Рузы ака дал Согдиане некоторую сумму денег и сказал ей, чтобы она ждала его возле Большого театра в Москве. И когда Рузы ака приехал в условленное место, она не явилась... «Если бы она тогда пришла, моя жизнь перевернулась бы вверх дном. Потому что я отказался от всего, мы договорились с ней пожениться, – говорил он тогда, – но она не пришла... Наверное, это и к лучшему...»

В 90-е годы прошлого столетия материальное положение Рузы ака было очень тяжелым. Чтобы содержать семью, он был вынужден продавать свои самые лучшие картины за гроши. Кроме того, работающий в городе Китабе в геологоразведке, человек по фамилии Гадоев, забрал у Рузы ака 50 произведений, сказав, что в Москве он продаст их за приличные деньги. Рузы ака до конца своих дней верил, что он вернется. Но тот человек так и исчез...

В то время была еще одна проблема у Рузы ака. Когда его дочь Роксана выходила замуж, она попросила отца купить ей отдельную квартиру. И он стал думать, как же ему решить эту проблему. Наконец-то удача улыбнулась ему. Какой-то турецкий миллионер пригласил его к себе на Родину в Турцию. Может быть, художник именно в это время и перестал думать о самоубийстве... Рузы ака улетел в Стамбул на три месяца. Оттуда вернулся довольный и бодрый. По его словам, в Стамбуле он жил по-королевски. Каждый день купался в Мраморном море, занимался любимым делом – творчеством, рисовал морские пейзажи. Хотя художник заработал не такие уж и большие деньги, но купить дочке двухкомнатную квартиру и на ежедневные расходы на некоторое время ему хватило. «Я там пил только вино, – смеялся Рузы ака. – Турки, как мы, водку не пьют. Поэтому я тоже стал пить вино». Иногда, будучи под хмельком, он говорил: «Все мои секреты я рассказал тебе. Остался только один. Его я скажу потом». Но эту тайну он не успел мне доверить. Может быть, она связана с этим завещанием?

А о последнем своем завещании художник сказал мне перед смертью. Когда он тяжело заболел и попал в больницу, я был в Сурхандарье. Художника поместили в первый стационар. После операции несколько дней не разрешали видеться с ним. Когда его перевели в палату, мы вместе с искусствоведом Акбаром Хакимовым и литературоведом Абдуллой Улуговым заехали его навестить. Возле художника сидел скульптор Янис Шапиро. Рузы ака прочитал нам

тихим, приятным голосом стихотворение Тютчева «Тихое утро», а потом сказал: «Он на двадцать лет притормозил развитие нашего поколения (Рузы ака имел в виду бывшего руководителя Союза художников во времена Советского Союза). Но теперь поздно, сказал и, тихо закрывая глаза, снова открыл их. – Вот, Нодир хочет увезти меня в Пашхурд, чтобы навеки оставить меня там». «Почему это я должен забрать вас? Вы своими ногами поедете туда», – сказал я. Я только потом осознал, что он говорит всерьез. «Зачем ему везти тебя так далеко? Пусть похоронят здесь. Я тебе сам бесплатно установлю памятник», – пошутил Шапиро (после смерти Рузы ака на его могиле был установлен памятник по проекту скульптора Азамата Хатамова). Во второй раз навестить Рузы ака я поехал вместе с главным художником ГАБТа им. А. Навои Зубайдулло Батыровым. Когда мы приехали к нему, возле него сидела Марина. Узнав о болезни мужа, она прилетела из Санкт-Петербурга. Я спросил у Рузы ака, чем я могу ему помочь. Я еще не знал о том, что его болезнь неизлечима, и все надеялся, что он поправится. Рузы ака сказал, что он благодарен председателю Академии художеств Турсунали Кузиеву за то, что он оказывает большую помощь в его лечении. А мне сказал: «Заплати долг за мой домашний телефон». На следующий день я опять пришел к нему. Рузы ака разговаривал в коридоре с кем-то очень раздраженно и горько плакал. Но я ничего не понял. В это время к Рузы ака пришла его знакомая. «Скажите Рузы ака, пусть не плачет. Человек дошел до отчаяния», – сказала она. Я как мог успокоил художника. Когда я с ним прощался, Рузы ака выдвинул ящик тумбочки возле своей кровати, взял оттуда листок и сказал: «Вчера я видел сон. В темном месте я провалился в глубокий колодец. Вот это я и нарисовал сейчас». Я взял листок и посмотрел на него. На нем был нарисован черным фломастером какой-то непонятный рисунок, похожий на квадрат. «Но это же знаменитый «Черный квадрат» Малевича», – сказал я. «Не знаю, но я нарисовал то, что видел во сне», – сказал он. Это был последний рисунок художника... У кого находится сейчас этот рисунок, я не знаю.

На следующий день у меня на работе, ближе к обеду, зазвонил телефон. По голосу я узнал керамиста Ашурмухаммада, живущего в маленькой каморке в мастерской Рузы ака. Он тоже в те дни часто навещал Рузы ака. «Нодир ака, Рузы ака больше с нами нет», – сказал он неожиданно. Я не поверил своим ушам. Тут же пошел к председателю Академии художеств Т. Кузиеву. «Может, нам неверно сообщили?» –

сказал он. «Но кто посмеет в такой момент сообщать ложную информацию?» – ответил я. Доехав до стационара, я узнал, что через два часа тело художника привезут в мастерскую, я должен быть там. Когда привезли Рузы ака, казалось, будто он спит. Согласно его завещанию гроб с его телом вынесли из мастерской. Возле садика собралось очень много народа. Провели траурный митинг. С 1949 года близко знавший Рузы ака Раим Махмудов, которому уже 90 лет, говорил о художнике взволнованно. А поэт Усмон Азим прочитал стихотворение о Рузы ака. Впоследствии это стихотворение и статья были опубликованы в газете «Узбекистон адабиети ва санъати». Стихотворение было глубоко драматичным и представляло жизнь художника настолько правдиво, что невозможно было сдержать слезы.

В похоронной процессии на Чигатайском кладбище участвовали руководители правительства, представители общественности, известные художники, писатели, поэты, люди различных профессий. Чтобы проводить великого художника в последний путь, с его родины, из кишлака Пашхурд, приехало очень много людей, в их числе Мамарайим Бойкулов, Зиедулла Алимарданов, Муродилла Норматов и др. Прежде, чем прочитать заупокойную молитву, группа художников попросила скульптора Азамата Хатамова обратиться к народу: «Если Рузы ака был должен кому-то, пусть скажет, я рассчитаюсь с тем человеком». «Нодир, выходи ты», – сказал стоящий рядом писатель Мурод Мухаммад Дуст. «Рузы ака никому ничего не должен. Наоборот, это мы его должники», – сказал я. Когда я хотел выйти вперед, мой односельчанин, стоявший в первом ряду, Мамарайим Бойкулов, вышел на середину. Чуть раньше, сказав мне о последнем завещании Рузы Чарыева, мне отдали старый платочек. Когда я развязал его, там лежал высохший кусочек глины размером чуть больше монетки. Это была горсточка земли из кишлака Пашхурд, где родился художник. Рузы ака все время носил ее с собой... Перед смертью художник сказал: «Отдайте это Нодиру, когда я умру, пусть бросит в мою могилу». Я выполнил его последнее завещание.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В процессе работы над этой книгой, я еще раз убедился в том, что когда пишешь о Рузы ака, то от себя ничего невозможно добавить или

сочинить.

Кто хорошо знает художника, прочитав эту книгу, тут же скажет: «Э-э, нет, это не Рузы ака. Это на него не похоже». Я нашел в его архиве листок со следующими словами:

Самый великий грех – это трусость;
Самый великий отдых – это труд;
Самое великое несчастье – это отчаяние;
Самое великое мужество – это терпение;
Самый великий учитель – это опыт;
Самая великая тайна – это смерть;
Самая великая гордость – это честь;
Самое великое добро – это хорошее дитё;
Самый великий дар – это прощение;
Самый великий капитал – это перебороть алчность в себе;
Самая великая измена – продать свою родину;
Самая великая щедрость – это кормить бедных;
Самая великая личность – это служитель народа;
Самое великое здание – это здание науки;
Самое великое счастье – это солидарность.

Я думаю, что надо искать личность художника в тайном смысле этих слов. Правда и то, что все рассказать о Рузы ака очень трудно. Но если вам кажется, что рассказ о нем получился недостаточным, то мы – его должники. Дорогой читатель, может быть, мы вместе восполним этот пробел?!

Конец.

Перевод с узбекского Гавхар Норматовой

Опубликовано в журнале «Звезда Востока»